

Наталья Горская

САЙТ НАШЕГО ГОРОДА

Издательство «Написано пером»

Наталья Горская
Сайт нашего города (сборник)

«Написано пером»

2016

УДК 82-311.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6

Горская Н. В.

Сайт нашего города (сборник) / Н. В. Горская —
«Написано пером», 2016

Если верить современным СМИ, то в России живут банкиры, бизнесмены, бандиты, маньяки, олигархи, фотомодели, светские львицы, шоумены, супермены, суперагенты, суперсолдаты, супершпионы. Никого из них вы не встретите на страницах этой книги. Здесь нет суперлюдей, а есть просто люди. Оставаться просто человеком в наши дни не так уж и мало. И даже не так просто, как кажется.

УДК 82-311.2
ББК 84 (2Рос=Рус)6

© Горская Н. В., 2016
© Написано пером, 2016

Содержание

Происшествие на станции Астрово	6
Снег	10
Пчёлы	14
Тюльпаны	19
Суд Линча	26
Гало	33
Изгнание из храма	41
Три желания	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Наталья Горская

Сайт нашего города

© Наталья Горская 2016

© ООО «Написано пером», 2016

Происшествие на станции Астрово

Красивое всё-таки название: «Астрово». А-астрово, а-стро-во, здо-ро-во! Интересно узнать, откуда такое название. Должно быть, в этом небольшом городке много астр... Но что-то не видно здесь астр. И электричку тоже не видно. Не видно и не слышно, хотя пора бы уж объявиться. Давно прошли даже допустимые для нашей железной дороги пределы опоздания.

Ах, астры, астры – прекрасные цветы!.. Воображение сразу же рисует август, когда лето уже вышло из беспокойной юности июня и повзрослело от грозových самоутверждений душного и знойного июля. Погода прочно утвердилась, и никто уже не волнуется по поводу её чудачеств. Воздух прозрачный, и в нём хорошо звучит стук колёс уходящих поездов по вечерам. Ах, эти августовские вечера в наших краях!.. Как же я люблю это время! Конечно, житель какого-нибудь Мозамбика никогда не поймёт их прелести, потому что у него совсем другой август, а у нас...

– Ах ж ты, курва, куда улеглась! Нет, ты поглянь на эту оторву! Нашла место, где разлечься! – зычный голос дежурной по станции прервал мои размышления о метаморфозах природы.

– Что? Где? – заволновался народ. – Задавили кого, что ли?

– Человека задавили!!! – завопили было самые впечатлительные.

– Да не человека, а бабу, – флегматично успокоил их мужчина, лузгающий семечки на краю платформы. – Баба пьяная на путях лежит.

– Ох, Царица небесная, ужас-то како-ё-ёй! – запричитала бабуля с корзинкой.

– Да никого пока не задавили, а только собираются. Не орите вы так! – ответил парень, сосредоточенно нажимая кнопки на мобильном телефоне.

Оказывается, уже пришла электричка и остановилась недалеко от платформы, так как в колее между рельсами лежало что-то большое и неопределённое.

– Ту-ту-у-у!!! – требовательно прогудела электричка, как бы говоря: «Лю-у-уди, я приехала! Я знаю, что вы меня ждали, вот и приехала».

Большое и неопределённое невнятно зашевелилось и очень внятно выругалось матом.

– Ну, и кто будет убирать это говно с пути? – резонно спросил машинист, высунувшись из окна. – Никакого порядка! Мне отправляться надо через пять минут, а я к платформе подъехать не могу.

– Товарищи, да что же это такое? Мне же надо успеть на самолёт в само Пулково! – вскричал солидный господин с портфелем из крокодиловой кожи.

Любое происшествие в небольших населённых пунктах, где жизнь протекает крайне однообразно, воспринимается очень оживлённо и прочувствовано, как грандиозное событие. Жители крупных городов не обращают внимания на такие пустяки. Если человек уляжется, скажем, на Невском проспекте, то никто не обратит на него особого внимания. Кроме стражей порядка, разумеется. И это не от чёрствости, как ошибочно принято считать, а потому что современного горожанина очень трудно чем-либо удивить: чего он только уже не видел.

Короче говоря, началась сумятица: кто-то торопится, кто-то никуда не спешит и с любопытством наблюдает за дальнейшим развитием событий, а мой взгляд снова падает на жестяной, погнутый чьей-то молодецкой удалью щит, где на грязно-белом фоне чёрным, решительно-грубым, рубленным шрифтом написано хрупкое, как хрусталь слово «Астрово». Такое слово следовало бы написать каллиграфической гарнитурой или шрифтом в стиле модерн, где буквы похожи на грациозных женщин с работ Альфонса Мухи. Есть в звучании этого слова что-то этакое космическое! Я бы даже сказала, нечто астральное...

– Ну ты, шалава, будешь вставать или нет? Я щас ментов вызову! – пытается расчистить путь дежурная по станции громовым голосом.

– Слышь, а ты проедь по ней, – советует машинисту кто-то из несостоявшихся пассажиров, – а то нам некогда.

– Она весь путеочиститель мне сломает! Поглядите, какая у неё корма, – зевает в окно кабины машинист.

– Да-а, баба в теле: есть за что подержаться, – со знанием дела комментирует мужик с семечками.

– Это же Клавка с совхозной фермы, – опознаёт кто-то лежащую. – Совхоз давно развалился, комбинат тоже закрыли, а народ не знает, куда теперь деваться...

На чём же я там остановилась? Ах, да! Август – прекрасная пора, когда уже нет летней духоты, и ночи тёмные, прохладные. Ещё далеко до заморозков, и астры усыпали разноцветными звёздами цветники, которые так и распирает от обилия этой красоты. Астрово! Похоже на Астрахань. В детстве казалось, что слово Астрахань означает «царство астр». Судите сами: «астра» – звезда, «хан» – правитель, царь. Каково же было моё разочарование, когда я узнала, что это искажённое название от Аштархан или даже Хаджитархан. Так жизнь зачастую беспощадно сокрушает наши фантазии. А ведь красиво: Царство астр! Я тогда даже стихи сочинила:

Там, где Волга впадает в Каспий,
Разбиваясь на рукава,
Там находится Царство астр...

– Вот падла! – дежурная по станции пинает Клаву. – А ну пошла отседа!

И бессильны о них слова.

– Разве можно бабе так нажираться? Ни стыда, ни совести у народа не осталось! – начала читать мораль Клаве бабуля с корзинкой. – Женщина называется! Это ж надо так запаршиветь! Уж ладно мужики своим человеческим обликом не дорожат, а коли бабы так начнут разлагаться, то кранты стране. А ну вставай, кобылиш-ша...

Тут Клава открыла глаза и грозным мутным взглядом посмотрела на бабушку, отчего та резко сменила пластинку:

– До чего народ довели правители наши, чтоб им пусто было! Споели русский народ под корень!

– Это не правители спаивают, а жида! – заметил мужичок со сморщенным лицом.

– Да не жида, а чурки, – не согласился ещё кто-то.

Началась полемика на излюбленную в России тему: кто спаивает русский народ. Машинист в это время курил, дежурная по станции бегала на вокзал в Опорный пункт МВД, а что же наше Царство астр?

Отец мне сказал тогда, что в Астрахани нет астр – там есть арбузы. Как это замечательно! Ведь в августе в наших краях появляются не только астры в палисадниках, но и арбузы на рынках. Само слово «Астрахань» такое сахарное, как хруст спелого арбуза, когда его разрезают острым ножом – асстр-р! – и отламывают лакомый, пахнущий мёдом кусок – хххань! Вокруг выются одуревшие пчёлы и осы, а черноглазые мужчины весело расхваливают свой скоропортящийся товар. В воздухе плывут ароматы сладких арбузов, медовых дынь и звуки проходящих мимо станции поездов, которые везут людей в далёкие прекрасные города и страны... Да, а в палисадниках цветут астры.

– Щас я тебе устрою тут лежище, лярва страшная! Вот, товарищ старший сержант, полюбуйтесь: полчаса поезд стоит, а она не встаёт! – отрапортовала дежурная по станции молоденькому милиционеру.

– И не встанет: она ж пьяная в дупель. Надо её как-то с пути убрать, перенести в другое место, – сказал сержант устало, и вдруг грозно добавил: – И совсем не за чем беспокоить ментуру по таким пустякам!

– Да Вы что! Да знаете ли Вы, что задержка поезда теперь приравнивается к теракту! – не сдавалась дежурная по станции. – Её надо арестовать!

– Да уж, вид у неё, как у настоящей шахидки, – сострил кто-то.

– Куда я её буду арестовывать? У меня и так народу полный обезьянник: полгорода нигде не работает, а только дурью маются от рассвета до заката!

– Может быть, её действительно оттащить куда-нибудь? – робко спросила женщина с тележкой на колёсиках.

– Сама и тащи, коли умная такая: эта кобыла весит больше центнера, – обиженно отреагировал кто-то из мужчин.

– Эй, тётка, а ну вставай живо! – скомандовал старший сержант, слегка пнув Клавку с фермы в бок, но та только прохрипела что-то нецензурное густым неженским басом и брыкнула толстой голый ногой, которая выглядывала из-под такого же, как и его хозяйка, бесформенного, неопределённого цвета платья.

– Когда же это безобразие закончится? – воскликнула хорошенькая дама в обтягивающих белых джинсиках. – Я жутко опаздываю на поезд в Адлер, – заявила она тоном, не терпящим возражения, и указала на большой, белый, красивый чемодан.

– Мама, а что такое «адлер»? – спросил у матери маленький мальчик с пальцем в носу.

– Я не скажу тебе, пока ты не прекратишь ковырять козявки.

– Ты сама всё время ковыряешь свой нос, когда мы дома, – выдал ребёнок мать и спросил мужчину, разгадывавшего сканворд: – Дяденька, а что такое «адлер»?

– Это не что такое, а кто такой. Был такой психолог в прошлом веке. По-моему, ученик Фрейда.

– А кто та...

– Не приставай к незнакомым дядям с дурацким расспросами!

– Сама ты дурацкая!

– Нет, вы поймите, что поезд на Адлер ждать не будет! – надрывно воскликнула хорошенькая дама. – А у меня путёвка пропадёт.

Большинство граждан, которым отдых в Адлере был недоступен, злорадно улынулись. Адлер, Адлер... Где это? Это где-то на юге, почти там же, где и Астрахань, только на берегу другого моря. Чёрного. Маленький городок рядом с Гантиади. Они так и идут вереницей друг за другом: Анапа, Геленджик, Туапсе, Сочи, Адлер, Гантиади, Гагра, Пицунда, Сухуми. Знаменитые курорты Советского Союза. Там тепло и солнечно, почти круглый год можно купаться. Там наверняка тоже цветут астры: не могут не цвести. Пчёлы летают меж ними, а устав от их красоты, летят искать сладкие арбузы и дыни...

– Ну как же так?! Я же опоздаю! А меня ждут, между прочим! – не унималась дамочка в джинсиках.

– Вот кто-то в Адлер по путёвкам катается, а я тут должен без отпусков и выходных всякую пьянь подбирать, – сердито пробурчал молоденький милиционер.

Дама, бросив красивый чемодан на платформе, подбежала к старшему сержанту, очаровательно стуча каблучками.

– Товарищ старший лейтенант, ну сделайте же что-нибудь! Из всех присутствующих только Вы можете разрешить эту дилемму, – проворковала она, трогательно положив холёную ручку на крепкое плечо стража порядка.

– Кхе-кхе, – растерялся сержант, потом густо покраснел и по-детски беззащитно улыбнулся.

– Хм! – презрительно отреагировала дежурная по станции.

– Дайте воды, – сказал милиционер, снова приняв строгий вид.

Все засуетились в поисках воды, решив, что старшему стало плохо. Хотя нельзя сказать, что ему было плохо, а как раз совсем наоборот. Он стал застенчиво объяснять хорошенькой даме, что он – старший сержант, а не лейтенант. Она же ответила, что он похож именно на старшего лейтенанта. Он сказал, что у лейтенантов на погонах – звёзды, а у сержантов – нашивки. И она, встав на цыпочки (хотя, благодаря каблукам, и так на них уже стояла), чтобы получше рассмотреть его погоны, сказала, что совсем не разбирается в этих тонкостях суровых мужских будней. А он...

Сказать проще, начинался лёгкий флирт при исполнении служебных обязанностей. Дежурная по станции демонстративно ушла. Сержанту-лейтенанту протянули бутылку минералки, и он полил лицо неподъёмной Клавы. Та издала булькающий звук, крикнула и резко села.

– Помогите подняться, – сказала она совершенно трезвым голосом.

Несколько человек с кличем «и-эх, взяли!» поставили Клаву на ноги. Она какое-то время постояла на месте, как бы привыкая к новому положению в пространстве, медленно разгибаясь в месте соединения ног с туловищем, а потом вразвалку заковыляла в сторону пивных ларьков.

Хорошенькая дамочка восхищённо смотрела на молоденького милиционера, а он хмурился для строгости, отдавал какие-то команды подчинённым, но всё время косился в сторону белых джинсиков.

Электричка наконец-то пришвартовалась к платформе. Все расселись. Кто-то обсуждал недавнее происшествие, кто-то углубился в свои дела, а напротив моего окна вновь возникло название станции.

Красивое всё-таки название: «Астрово». Воображение сразу рисует августовский вечер, чаепитие на веранде и астры в палисаднике. А вдали утихающий стук колёс скорых поездов, которые везут людей в разные прекрасные города и страны. Ту-ту-у!

– Ту-ту-у! – весело кричит электричка и, как резвый жеребёнок, резко дёргается с места.

– Ну, слава те, Господи, – вздыхает бабуля с корзинкой, – никак поехали.

Снег

Начальник гаража Дмитрий Александрович очень нервничал, и было из-за чего: подлец Байкин опять не явился в поездку, хотя, гад такой, обещал быть, как штык. И трезвым, как стёклышко.

Рейсов не было целую неделю – стояли морозы, и мужики решили переждать с поездкой: в соседнюю область путь не близкий. Наконец, как часто бывает в наших краях, морозы сменились оттепелью, и пошёл снег...

Снег и сейчас шёл: рыхлые крупные хлопья плавно кружились за окном в каком-то только им ведомом танце, то ускоряясь, то снова замедляясь, да так, что начинало казаться, будто они никуда не падают, а парят в тяжёлом влажном воздухе. Они подлетали к самому стеклу, словно внимательно всматриваясь и вслушиваясь, что происходит по ту сторону, а потом улетали в сторону, и у окна их сменяли новые хлопья. От наблюдения за таким поведением снега мерещилось, что это не он проносится мимо, а мир несётся куда-то в неизвестном направлении. Так бывает, когда смотришь из окна поезда, который стоит на месте, а мимо идёт другой поезд. От этого кружилась голова, и начинало клонить в сон. Хотелось отключить и телефон, и радио, и вообще всё, чтобы завернуться в мягкое одеяло и крепко заснуть. А проснувшись, увидеть яркое весеннее солнце.

– Ох, придётся мне за баранку садиться, – вздохнул вслух начальник и налил себе крепкого кофе. – Нашёл, кому поверить...

В этот момент дверь в каморку начальника распахнулась, и на пороге застыл, нетвёрдо держась на ногах, включенный Байкин.

– Саныч, гуд мониторинг! Вот я и пришёл, – неуверенно сказал новоприбывший.

– Бон жур, мать твою! Мог бы и не приходить, – проворчал Дмитрий Александрович.

– Да я щас всё объясню...

– Сыт по горло твоими объяснениями! Если не можешь слово держать, то и не давай его никому.

– Да говорю же тебе: непредвиденный случай. Со мной такого никогда ещё не было, – Байкин сверлил Саныча глазами.

«Сейчас начнёт сказки рассказывать», – подумал начальник, а вслух сказал:

– Ты бы литературной деятельностью занялся, что ли. А я все твои басни давно наизусть знаю.

Байкин, надо отдать ему должное, был человеком с очень богатой фантазией и умел так преподнести любое событие, что все аж заслушивались. У Дмитрия Александровича не раз чесались руки подписать приказ об увольнении, но он так и не осуществил этот замысел, и сам не знал почему. Сегодня он твёрдо решил уволить Байкина, поэтому изо всех сил старался не смотреть в гипнотизирующую синь его, как казалось на первый взгляд, наивных глаз, в которых постоянно плясали озорные огоньки.

– Сейчас пойдёшь в отдел кадров и заберёшь свои документы: я с инспекторами уже договорился, – сделал серьёзное лицо начальник гаража.

– А это... а как же... кто вместо меня за руль сядет?

– Я сяду.

– Да-а, вот переживёшь потрясение, и никто не поинтересуется даже! Э-хе-хе.

– Да что за потрясение-то?! – не выдержал Дмитрий Александрович. – Летящая тарелка на тебя чуть не упала опять, что ли?

– Не тарелка, – загадочно сказал Байкин и выразительно закатил глаза.

– А что? – настоженно спросил начальник.

Дмитрий Александрович обладал крайне редким качеством для начальника: он умел выслушать любого, за что подчинённые его очень любили и уважали, а вышестоящие начальство укоряло в отсутствии жёсткого руководства. Так он и разрывался, как меж двух огней. То ему хотелось, что называется, «закрутить гайки», и тогда он был готов наказать и уволить любого за малейшее нарушение. То ему становилось не по себе от такого «металлического» отношения к людям. Байкин это знал и думал теперь, чего бы такого придумать в оправдание своего несправедного образа жизни. Придумывать было нечего, поэтому он решил сказать правду.

– Послала меня жена на колонку за водой, – начал он откуда-то издалека, закручивая сюжетную интригу, осторожно присев на краешек стула. – Ну, я и пошёл.

– Так, – кивнул Саныч, думая про себя: «Ну-ну, давай, заливай, артист».

– А был я абсолютно трезв. Вот те крест! Думаю, завтра в поездку, как же я могу Саныча подвести? Нет, я Саныча ни в жисть не подведу... Иду, стало быть, по дороге, а вокруг – ни души, как будто вымерли все, хотя около полудня. И так тихо-тихо. А я привык к грохоту, когда мотор ревёт, прицеп грохочет! Но тут такая тишина, что я даже поначалу испугался. И вот этот снег, белый и пушистый, может легко превратиться в лавину, которая движется со скоростью триста км/ч в час и обладает силой удара в сто тонн. Этот «белый и пушистый» может сметать бетонные здания, скручивать в бараний рог арматуру, переворачивать автомобили! А тут он так тихо падает... Понимаешь?

– Ну, – опять кивнул Дмитрий Александрович.

– И главное, Саныч, снег падает так, что мне начинает казаться, будто снежные хлопья никуда не падают, а это я падаю куда-то в другое измерение, – ускорил рассказ Байкин, думая, что начальник сейчас оборвёт его повествование, как пуля прерывает полёт птицы, и скажет о том, что закусывать надо или что-нибудь в этом роде. – И стало мне так страшно, что я аж задумался. А не задумывался я уже лет тридцать. Даже забыл, как это делается.

– А тут вспомнил, да?

– Да, Саныч, да! Иду и думаю, почему же мы так странно живём? Всё нам вроде бы дано с рождения, а мы даже и сотую долю этого не используем. Для чего я живу? И живу ли я? Суечусь чего-то, зарабатываю, пропиваю, снова зарабатываю и снова пропиваю, ругаюсь с женой, не люблю никого. И меня никто не любит, разве только жена жалеет. И даже тот, кто не пьёт, также суетится и мельтешится чего-то, гоняется за ерундой. А мимо проходит жизнь и – вот этот снег. И деревья замерли как кораллы на дне морском. А нам некогда остановиться, чтобы рассмотреть такую красоту, порадоваться тому обстоятельству, что где-то смеются дети, собаки лают и ловят пастью снег... Ведь такой же снег падал, когда жил первобытный человек, потому что за всё время существования Земли, на ней не появилось ни одной новой молекулы воды! Вода, как и прежде, испаряется, выпадает на землю в виде дождя или снега, просачивается сквозь почву или попадает в водоёмы, снова испаряется или превращается в ледники, которые сейчас тоже тают и испаряются, и вода опять падает на землю в виде снега. И так длится несколько миллиардов лет, а может и больше. А мы живём и ничего этого не замечаем! Не замечаем, что этот же снег мог видеть сам Моцарт. Или он упал на голову Ньютону, после чего тот открыл свой Второй закон динамики.

– Это яблоко ему на голову упало, говорят, – неуверенно поправил Дмитрий Александрович.

– Нет, я думаю, сначала это был именно снег. А яблоко уж потом, как окончательное подтверждение. Не в этом дело! Такой же снег падал, когда Христос жил в Палестине.

– В Палестине снега-то никогда не бывает.

– Я не говорю, что именно снег. Это мог быть дождь. Я о том, что это та же самая вода, те же самые молекулы, понимаешь? А мы этого не чувствуем, потому что распалась связь времён, Саныч, и наше время вывихнулось и повернулось вспять! Ты только подумай, что

эти же капли воды текли по лицу Иисуса, когда он умирал на кресте. Я подумал и испугался. Как и зачем они теперь упали к нам откуда-то свысока, где тихо и людей нет, разве что они летят в самолёте, где только тучи и облака из снега и воды? А там дальше, за всеми этими стратосферами, термосферами и экзосферами начинается Космос.

– Ещё мезосфера есть, – скромно добавил начальник.

– А?

– Я говорю, что между стратосферой и термосферой находится мезосфера.

– Вот именно! Так высоко над Землёй, что дух захватывает, а Космос ещё выше! Я как подумал, что Космос – бесконечен... Понимаешь, Саныч: бес-ко-не-чен! Он тянется и тянется во все стороны, и мы с тобой – да что мы! – вся Земля – это ма-а-ахонькая песчинка по сравнению с Космосом. Там взрываются звёзды, размеры которых больше всей нашей галактики, и отблеск этих взрывов достигает Земли только через века, через тысячелетия. Ты представляешь себе, какое это должно быть расстояние, чтобы такой сумасшедший свет, который может исходить от огромной звезды, проходя триста тысяч километров в секунду доходил до нас только через несколько тысяч лет?! – Байкин шмыгнул носом. – Мне родителей тяжело навестить, хотя они живут в ста километрах от меня, а тут – триста тысяч км! Это же больше экватора Земли! Сколько у нас экватор-то?

– Где-то около сорока тысяч километров, – послушно ответил Дмитрий Александрович, вспомнив школьные познания.

– Во! А я шаг шагну, и мне уже лень становится. Вот почему так? – на глазах у Байкина навернулись слёзы, в которых растеклась невозможная синева радужной оболочки. – Столько талантов нам дано с рождения, а мы жизнь тратим на то, чтобы скорее её прожить, чтобы скорее себя привести в нерабочее состояние. Ведь каждый день и час – бесценны. Свет за один час проходит... Сколько он проходит? Это триста тысяч километров надо умножить на три тысячи шестьсот секунд. Сколько это будет, Саныч?

– Э-э... – полез тот в стол за калькулятором. – Приблизительно: миллиард километров.

– Вот! – рявкнул Байкин и хлопнул ладонью по столу, так что начгар невольно вздрогнул. – А мы через час остаёмся там же, где и были, и несколько не продвигаемся в развитии. Пушкин жил двести лет тому назад, а его уровень развития ушёл дальше нашего на сотни парсеков! Ньютон был гениальнее всех нас в тысячи раз!.. Вся наша мышьяная возня, которую мы считаем настоящей жизнью, так мелочна и глупа в сравнении с вечной сущностью вещей! Занимаемся каким-то волонтаризмом, обструкционизмом и эскапизмом с квиетизмом, короче, полным ...измом. Я о Королёве прочитал в газете, что его арестовали по доносу какого-то Костикова. Фамилия-то какая... елейная! Этот Костиков сделал быструю карьеру от рядового инженера до директора НИИ: стучал на людей, которые высокие посты занимали, а потом садился в их кресла. Таким бл...ям в нашей нелепой стране всегда почёт и уважение. А Королёву – титану, благодаря которому Человек полетел в Космос – в нашем энКаВэДэ сломали обе челюсти и пригрозили заняться его женой и дочкой, если он не подпишет признание во вредительстве. Ладно бы мне морду сломали – не жалко, – а то какие-то опричники без извилин в мозгу пытали Гения! И отправился этот Человечище на Колыму, где в скотских условиях из пяти заключённых выживал один. Только у нас так могут к гениям относиться, чтобы другим неповадно было! А он, несмотря на это паскудство и продажность нашу, выжил и остался Гением. Не спился и не скурвился, хотя имел повод. Ему Нобелевскую премию хотели дать, а наши вожди держали его имя в секрете и отвечали Нобелевскому комитету, что это не конкретный человек придумал космический корабль, а всё это благодаря советскому строю произошло, и весь советский народ в этом участвовал. Это мы с тобой, Саныч, в этом участвовали? Да мы хрена лысого *такое* бы придумали!.. Я на днях лежал под забором, смотрел на звёзды, и вдруг стало мне страшно, что это они на меня смотрят, а не я на них. И сколько нас таких валяется, а нам приписали подвиг Королёва.

Он в нечеловеческих условиях сумел остаться человеком, личностью, а мы чего-то рыщем, воруем, унижаем и обижаем друг друга, пакостим ближним своим, смотрим целыми днями в телевизор на политиканов и чернуху-порнуху, стоим в очередях за деньгами и водкой, воюем меж собой, портим друг другу жизнь хамством, разучились любить и понимать друг друга... А вечный разумный Космос, где одно короткое мгновение вмещает в себе целую эпоху, со всех сторон обступил нас и смотрит. И как ты думаешь, Саныч, что он обо всех нас думает?

– Не знаю, – пожал плечами Дмитрий Александрович.

– А я как подумал, и мне страшно стало, что на нас давит эта тишина, которая там, в Космосе, где никто не орёт дурным голосом и не матерится, где только метеориты проносятся со свистом, да кометы шипят хвостами. Но нам не до Космоса, не до звёзд, а волнует нас только, прибавят ли нам к зарплате очередные копейки, на которые мы купим себе лишнюю бутылку водки. И даже если только предположить, что Космос где-то всё-таки кончается, то ещё страшнее становится. Потому что там дальше тоже что-то должно быть. Пусть это будет абсолютная пустота, но и она тянется куда-то! И что там потом начинается? Я как подумал обо всём этом, так страшно мне стало, что пошёл и надрался. Чтобы ни о чём таком не думать, чтобы мозги отключить и стать таким же, каким я был прежде...

– Иди домой, Викентий, – сказал начальник гаража. – Я сам в рейс съезжу. Тем более, у меня дочь с внуками в соседней области живёт: за одно и навещу.

– Спасибо, Саныч, – всхлипнул Байкин. – Я жене первый раз правду сказал, почему напился, а она не поверила. Сколько раз врал, небылицы всякие сочинял, и всегда верила. А тут правду сказал, как на духу, и она усомнилась. Допил до горячки, говорит... Ну, я пойду, – и он вышел, вытирая слёзы шапкой.

Дмитрий Александрович посмотрел в окно. Там, как и прежде, снег плавно падал рыхлыми крупными хлопьями. И этот белый и пушистый снег может легко превратиться в лавину, которая движется со скоростью триста километров в час и сметает здания, переворачивает автомобили... Но сейчас он падает так неслышно! Его хлопья подлетают к самому стеклу, словно внимательно всматриваясь и вслушиваясь во всё, что происходит по эту сторону, а потом, получив нужную информацию, разворачиваются и улетают куда-то вверх, и их сменяют новые скопления кристаллов льда. От наблюдения за ними начинает казаться, что это не они проносятся мимо, а весь мир несётся куда-то в неизвестном направлении.

Пчёлы

История любого города начинается с пары-тройки одиноких дворов, которые ставили и заселяли по-настоящему сильные и отважные люди. Именно им выпало основать цивилизацию с нуля, отвоевать не изученное пока ещё пространство у леса или пустыни, дабы сделать его своим. То есть любой город, грубо говоря, начинался с деревни. Даже если вы живёте на Манхэттене, то знайте, что когда-то на месте того роскошного небоскрёба вполне мог находиться какой-нибудь огородик с коровником или пыльный постоянный двор для измученных дорогой переселенцев.

И с такого, казалось бы, никаких перспектив не обещающего начала, деревня вдруг начинает расти, развиваться и иногда за тысячелетия, века, а то и всего за несколько лет превращается в крупный сгусток из людей, домов, улиц, машин, организаций, ведомств и разных прочих институтов общества. То есть медленно, но верно превращается в то безумие, которое в современном мире принято называть мегаполисом. Не просто городом, а *мега*городом – городом крупнее некуда.

Естественно, далеко не все деревни вырастают в мегаполисы. Должно же на Земле остаться место, где обитатели мегаполиса могли бы отдохнуть. К тому же, седая старина знает немало случаев, когда от знаменитых и поражающих воображение роскошью, мощью и обилием событий городов нам, современным жителям, остались только их имена. А от самого города даже камня на камне не осталось, например, от Вавилона. Целые научные экспедиции снаряжают, дабы отыскать их местонахождение или хотя бы осколок, но так ничего и не находят. Иные города, как и любой человек на пути развития, в какой-то момент начинают чахнуть, спотыкаться на каждом шагу, как вдруг или вовсе исчезают, или возвращаются к состоянию захолустья, превращаются в старую добрую деревню, с которой всё и началось.

Моя деревня началась с мызы, которая была расположена на большой горе. Собственно, это нельзя назвать горой в смысле скалистого образования, как горы Кавказа или Тибета, а скорее это гигантский холм, который совершенно не воспринимается при нахождении на нём. Просто любые возвышенности в наших краях, где высота почвы практически равна уровню моря (а то и ниже), представляют собой довольно-таки заметное явление. И хотя высота нашей горы от этого самого уровня не превышает и ста метров, но этого вполне достаточно для такой местности, чтобы именоваться Горой с большой буквы. Как говорят её обитатели, обладающие особой самоиронией, среди невских болот любая кочка Эверестом покажется.

В Ленинградской области вообще очень много населённых пунктов, где в названии присутствует слово «Гора». Есть и Абрамова Гора, и Акулова Гора, и даже Ахматова Гора. Есть Гора Черемная и Чудская, а также Бабья – тоже Гора! Глебова, Иванова, Ильина, Карпина, Козья, Липовая, Лосева и всё это – Горы. Есть такие названия, как Пильдеж-Гора, Пиргора, ПельГора, Гора-Валдай. Есть Ерёмина Гора (две штуки), Железная Гора и даже Пятая Гора (хотя Первой или Третьей нет). Есть ещё и Горка, и Горки: Вельяшева Горка, Вороньи Горки, Горка-Воскресенская, Горка-Хваловская, Мазаная Горка, Маяк-Горка, Ореховая Горка, Рудная Горка, Сельцо-Горка. И это – только малая их часть, так как перечислить все эти Горы нет никакой возможности. Точнее, Горы – это отдельное название, есть четыре населённых пункта, которые так просто и называются: Горы. Просто название Гора встречается один раз, Горка – 18, Горки – 11, Горушка – 3. Есть по одному названию Горье, Горный, Горская, Горское, Горочка, две Белогорки и четыре Загорья. На карте нашего края вы можете найти населённые пункты Малые Горки и Большие Горки, Малая Горка и Большая Горка, Красная *Гора*, Красные *Горы*, Красная *Горка* (шесть штук), одна *Старая* Красная

Горка и даже Красный Холм. Некоторые названия весьма романтичны и даже загадочны: Горная Шальдиха, Горное Елохово, Горные Морины. Такой вот парадокс, что в низинной местности есть и Горное озеро, и Нагорное, и Подгорное, и...

Каких только Гор, Горок и Горочек у нас нет! Я лично насчитала полторы сотни «горских» названий. И это – только официальные административно-географические названия. А сколько ещё таких Горок присутствует внутри населённых пунктов, в местных, исторически сложившихся наименованиях частей и районов города или деревни – и не счесть!

Что касается холма, с которого начиналась история моего города, то некоторые старожилы называют её Ведьминой Горой. Якобы жила на ней в глубокой древности некая ведьма особой силы колдовства. От её «места дислокации» где-то на самой маковке горы осталась большая поляна, на которой до сих пор никто не ставит дом и даже огород не разбивает. Пробовали, но тут же ни с того ни с сего образуется болото – и это в самой высокой точке местности! Или нападает такая сушь, что чахнет не только огородная зелень, но и вездесущая луговая трава перестаёт расти. А то ещё какие-нибудь страсти-мордасти приключаются. На впечатлительных приезжих граждан это производит неизгладимое впечатление. Мы же давно к этим причудам нашей Горы привыкли.

На этой Горе с незапамятных времён жили мои далёкие предки. Были они трудолюбивы, как пчёлы, поэтому жили – не тужили. Одно время они были подданными шведского короля, но после Северной войны, в ходе которой в здешних краях велась ожесточённая партизанская война между русскими солдатами и нежелающими принимать русское подданство чухонцами, перешли-таки во владение то ли дворян Нарышкиных, то ли Лопухиных – точно уже никто не помнит. А только помнят, что какой-то родни грозного царя Петра Великого по линии матушки или первой жены, чья роскошная усадьба раскинулась на самой вершине вышеупомянутого холма, и от которой, к сожалению, как часто это у нас водится, ничего уже не осталось. Кроме нескольких старинных деревьев барского парка да куска каменной ограды. Всем живущим на Горе финнам, эстам, ижорцам и вепсам, ставшим крепостными вышеупомянутых дворян после Ништадтского мира, дали впоследствии фамилии Горские, Горкины, Горовы и даже Егоркины и Егоровы, а настоящие их фамилии установить уже невозможно. Так, во всяком случае, принято считать, хотя прабабушка моей бабушки рассказывала правнукам, что фамилии их были то ли Мяки, то ли Куккола, что так же намекает на гору или холм. Поэтому если говорят про «ком с горы», это про нас.

Некоторые мрачные наши земляки утверждают, что фамилии сии произошли от горького русского слова «горе», коего на Руси всегда много, но тут уж кому что больше нравится: горе было да прошло, а гора осталась. Есть ещё версия, что эта фамилия пошла от русской формы имени Георгий, что означает «земледелец» – Егор или, как в старину называли, Гора. Возможно, предки наши возделывали землю. Хотя Васька Горкин с Карбюраторной улицы, увлечённый разными древними культурами, настаивает, что фамилия сия восходит к имени древнеегипетского бога Гора, покровителя фараоновой власти, сына самих Осириса и Исиды. Ему никто не верит: больно широко он размахнулся. Какие тут фараоны в нашей-то Ингерманландии!

Широко размахнулась и наша деревня. Со времени возникновения она стала разрастаться, расширяться в разные стороны, объединяться с другими мызами и деревеньками и, в конце концов, это нагромождение частных и общих, одноэтажных и многоэтажных домов, разных мелких и крупных предприятий, ферм, огромных и зажиточных в советское время совхозов, многие из которых к настоящему времени приказали долго жить, широко расплодилось в разные стороны и обрело статус посёлка городского типа, а затем и просто города. Теперь её зовут и городом, и деревней, и посёлком – кому что больше нравится. В центре она похожа на обычный город с многоэтажными домами, с разными административными зданиями, а ближе к окраине она больше похожа на деревню с огородами и садами, с бескрайними

полями, которые разделяют лесополосы, упирающиеся в настоящий дремучий лес. Короче говоря, *ни то ни сё* или *и то и это*. Хочешь почувствовать себя горожанином – иди в центр, устанешь от шума городского – катись на самую окраину. Удобно, что и говорить.

Первая улица деревни, уходящая за пределы Горы по её пологому склону, получила название Загорской. Зимой особенно здорово кататься на санках с противоположного более крутого склона, где как раз наверху располагаются остатки старинного барского парка с куском ограды. Но сейчас я хочу рассказать о лете, а точнее – о пчёлах.

Говорят, укусы пчёл полезны для здоровья, особенно при ревматизме. Не знаю. Точнее, знаю, что полезны, но уж очень болезны. Но если вы страдаете ревматизмом и не боитесь такой радикальной терапии, то добро пожаловать к нам на улицу Загорскую. Только нет никакой гарантии, что вас ужалят именно в то место, куда надо, потому как пчёлы больше норовят ужалить в нос или скулу. Дело в том, что соседи наши занялись пчеловодством, и теперь дня не проходит, чтобы кто-нибудь не испытал на себе лечебное воздействие пчелиного яда.

Ещё весной их участок украсился уютными на вид ульями. Соседи купили их на сельскохозяйственной выставке вместе с пчёлами.

– Ох! – сразу же стали раздаваться возгласы соседней. – Зараза, в глаз-то зачем!

Тогда-то мы и узнали о новых полосатых соседях, которые появились на земле за пятьдесят тысяч лет до человечества.

Собственно, такое соседство нас не беспокоило бы, если б ваша покорная слуга не любила цветы. Даже если у меня обнаружится аллергия на пыльцу цветов, я всё равно не смогу с ними расстаться. Цветы очень украшают наши улицы. И вот в этой красоте засели пчёлы, потому что они, как выяснилось, тоже обожают цветы. Они появились не сразу, а только после тщательной разведки, когда некая пчела-шпионка нашла источник дохода в виде моего цветника. Она-то и привела своих соплеменников, исполнив перед ними, так называемый, «круговой» танец, как бы говоря: «Айда за мной!». Их уже не прельщает душистый зверобой и пачкающий всё и вся в ярко-жёлтый цвет чистотел, заросли которых украшают восточную стену нашего дома. Им теперь подавай культурные растения в лице пионов и гвоздик.

И хотя соседи засадили свой участок цветами, чтобы пчёлы особенно не тревожили округу, но пчёлам, оказывается, нужно облететь до десяти миллионов цветков, чтобы собрать килограмм мёда. Вот они и облюбовали мои цветочки.

– Оказывается, мы с вами родственные души! – кричу я им, убегая в дом.

– В ужжжко ужжжалю, – ревнуют они цветы ко мне.

Сразу видно, что это умные пчёлы, окультуренные: они не залетают в чужой дом, как дикие осы и шмели, а останавливаются у самой границы дверного проёма, кружат у этой воображаемой плоскости входа, хотя дверь и открыта нараспашку, но дальше ни шагу, если можно так сказать. Ты подумай!

Так эти «злодеи» разлучили меня с цветами.

– Тигры полосатые, – ворчу я на них. – Мне же надо освободить огород от вечного укропа, который никто и не сажал, но он растёт себе повсюду.

– Уйдзззи, жжжжадззззина, – отвечают они мне.

Так теперь и бегаем от них по огороду и улице. Только подземный пахарь – дождевой червь – совершенно не реагирует на их кульбиты посреди цветущей растительности. Выползет себе на поверхность – уф, устал.

С раннего утра в пчелиной семье, в этой целостной биологической и хозяйственной единице, кипит работа. Всё в ней символизирует сплочённость и тесное взаимодействие, где ни одна особь не может существовать вне семьи.

Население ульев с каждым днём увеличивалось. Наконец, пчёлам стало тесно, как детям становится тесно с родителями, и они чувствуют, что семье надо разделиться.

Первый сеанс пчелиной терапии я получила, когда пчелиной матке – это очень важная персона, глава семейства пчёл – приспичило прилететь на нашу яблоню. Следом за ней прилетело всё семейство. Прилетели и засели намертво. Короче говоря, произошло у пчёл естественное роение и почему-то выбрали они для этого наш сад. Когда я увидела этот огромный клубок пчёл, у меня пропал дар речи.

– Натаха, ты их не бойся! – кричит мне соседка с распухшей щекой. – Они в таком состоянии почти не жалятся, только близко к ним не подходи и руками не махай.

– Ага, не жалятся! Что же мне теперь и шагу не шагнуть по огороду? – но пчёл я всё равно не трогаю, потому что, говорят, пчелу обидеть – грех на шею навязать.

– Сейчас Кузьмич придёт и соберёт их.

Кузьмич – это дед с другого конца города, дока в пчеловодстве, умеющий общаться с перепончатокрылыми голыми руками. Он может часами рассказывать о своих любимцах:

– Пчела развивает скорость свыше шестидесяти километров в час и делает крыльями свыше четырёхсот взмахов в секунду, а груз, который она способна поднять, равен её двукратному весу. В то время как лошадь может только сдвинуть с места груз, не превышающий её веса, – восхищался он пчёлами и передавал это восхищение другим.

– Так значит, пчела сильнее лошади? – спрашивали его дети.

– Именно.

– Как у пчёл всё справедливо устроено, – говорил Кузьмичу, перевесившись через забор, его сосед Мотья Ручкин, который нигде не работал, даже в собственном огороде, – а почему мужик должен работать, если у пчёл работают только бабы, а трутни, то есть мужики – нет? А только спариваются с маткой. Вот она, демократия!

– Тьфу! – реагировала жена Ручкина, которая в это время окучивала картошку.

– Не жизнь, а сплошной кайф, – развивал тему Ручкин. – А у людей всё как не у людей. Минуту не дадут мужику спокойно посидеть!

– Зато каждую осень пчёлы изгоняют трутней из улья, и они погибают, – объяснял Кузьмич, устанавливая разделительную решётку в улей.

– Вот бабы проклятые! Нигде мужикам жизни не дают, – негодовал Мотья по поводу такой несправедливости и шёл курить на завалинку.

Кузьмич пришёл в обычном одеянии вместе с соседом, который с ног до головы был экипирован в специальное защитное обмундирование, с сеткой на шляпе и лице. Они зачем-то опрыскивали рой водой и потом собрали его в мешок.

– Вон она, вон! – указал старик на матку: длинную и крупную по сравнению с другими пчелу. – Хороша, царица!

Мне до того стало любопытно разглядеть «царицу», что я сунулась ближе к мешку. Тут-то какая-то пчела, как медсестра с шприцем, вколола мне лечебную инъекцию в мочку уха.

– Ой-ёй-ёй! – завопила я. – Спасибо, хоть не в нос.

– Это кто-то из молодых пчёл балует, – сделал вывод Кузьмич и вытащил из моего уха чёрную иглу жала. – Держи трофей на память.

– А я слышала, что пчела погибает после того, как ужалит, – говорит мне дочь соседей Таня, разгрызая редиску.

– Ужжжас! – отвечаю я. – Мне их жжжалко.

– Мне тожжже, – соглашается Танька.

Ухо моё уплотнилось и распухло, как локатор, а собранный рой поселили в новый улей.

Следующей жертвой стал наш кот Фёдор, которого ужалили в нос. Но его это, как истинного воина, только украсило. Хотя он долго приходил в себя от такого потрясения.

Потом я уже и со счёта сбилась, кого и сколько раз жалили пчёлы. Теперь по нашей Загорской улице все передвигались с ускорением, натянув по самые уши верхнюю одежду. Хотя какая верхняя одежда может быть летом? Женщины, особенно те, что помоложе, сразу же закрывали лицо руками, и пчёлы жалили их в пальцы. Больше же всех страдал пастух, который перегонял стадо по нашей улице, и бежал огромными прыжками сквозь тучи пчёл. Потом сосед подарил ему специальную шляпу с сеткой, и пастух стал чинно вышагивать вдоль забора, в то время как его коровы и овцы, жалобно мыча и блея, мчались вскачь.

Местный сутяга Шершенев дошёл до районной прокуратуры, когда пчела ужалила его в ногу. Но прокурор сам оказался страстным пчеловодом, поэтому Шершенев грозился дойти до областного уровня.

– Ты что, по Загорской улице гулял? – так у нас в округе стали говорить, если встречали человека с распухшим глазом, носом или просто с испуганным выражением лица.

Благодаря пчёлам, во всех соседских садах уродилось много яблок и вишен. А осенью соседи принесли нам огромный янтарный ломоть печатного мёда, который мы «приговорили» с чаем за один присест. Мёд пах летом и солнцем, а укусы давно зажили. И даже стало как-то не хватать этих жужжащих тружжжениц, которые трудолюбивы, как наши далёкие предки. И так же, как и я, обожают цветы.

Тюльпаны

Здравствуйте, мы – тюльпаны. Обыкновенные красные тюльпаны. Точнее, не совсем обыкновенные, а вообще необыкновенные, так как обыкновенных цветов не бывает! Наш гибрид называется Дарвиновым, а вид – Tulipa «London». Так уж исторически сложилось, что именно нас вы, скорее всего, видите весной в любом российском огороде, а не какой-нибудь махровый Schoonoord. Наша первая Родина – загадочная страна Персия. Да, мы даже стали героями одной из сказок «Тысячи и одной ночи»! Вторую Родину мы обрели в Голландии, где наше выращивание и экспорт составляют статью национального дохода. Теперь мы здесь, в России, и нам это очень нравится.

Раньше нас было мало – всего одна луковка. Но прошли годы, и наше семейство разрослось на большую грядку, как бывает в любом семействе живой природы. И стало ещё красивее! Это наша цель – украшать жизнь и землю. Наш жизнеутверждающий красный цвет дарит радость и энергию всем, кто нас видит, а жёлтое основание каждого лепестка сглаживает агрессивность этого цвета и создаёт очень ярко выраженный контраст. Вот как тщательно всё продумано и подобрано у Природы.

Но нас давно не пересаживали. Наши луковки плотно оплетены тугими корнями сняти обыкновенной, которая вскоре может вытеснить нас своей необузданной живучестью. Но мы тоже очень неприхотливы, разве что нас надо иногда пересаживать в сентябре-октябре. Зато в горных районах Передней и Центральной Азии растут безо всякого ухода наши дикие родственники!

Ах, если бы нашёлся добрый Человек, не утративший тягу к прекрасному, который выкопал бы нас отсюда и перенёс на солнечное место в своем палисаднике, то мы стали бы ещё прекраснее, чем вы можете наблюдать сейчас!

Началось всё с того, что нас везли куда-то на машине, но одна луковка-непоседа возьми, да и выпрыгни из кузова. Наверно, она была очень любопытна, что передалось всем нам по наследственной линии. Она хотела посмотреть, что там находится за пределами кузова, и оказалась на твёрдой чёрной поверхности, по которой проносились на большой скорости автомобили. Возможно, она могла бы погибнуть под их колёсами, но вмешался друг Человека. Этот большой и умный пёс аккуратно взял луковку в зубы и, как положено образованной собаке, отнёс найденную добычу своему хозяину – Человеку.

Человек этот, как истинный Царь природы, старался всячески украсить и упорядочить своё жизненное пространство, то есть создать собственный космос на земле. В его саду росли разные деревья и цветы, но все они были так ухожены, что чувствовалась рука настоящего Хозяина. По нашим наблюдениям не все люди таковы: среди них встречаются странные гибриды, которые всю жизнь тратят на то, чтобы максимально обезобразить ту среду, в которой они обитают. Мы таких называем Нехозяин Самому Себе.

– Молодец, Алмаз: ты принёс мне луковицу тюльпана. Ну-ка, куда мы её посадим? – спросил Человек собаку и, разглядывая луковку, прочёл стихи:

Чудесный гость далёкого Ирана,
Любимец опалённых солнцем стран,
В садах Хазифа огненный тюльпан
Раскрыл, как чашу, венчик свой багряный.¹

¹ Стихи Всеволода Рождественского.

Вы, может быть, удивлены, откуда мы знаем, что такое стихи? Мы много чего знаем, хотя и не всё: земля слухами полнится и передаёт всю информацию нам и другим цветам. И даже овощам. Так что не говорите невежде, что он «глуп, как тыква».

А Человек выбрал лучшее место для луковки, которая в благодарность за это расцвела весной пышным бокаловидным цветком. Когда грянули майские заморозки, Человек заботливо укрывал наш первый цветок сада специальной плёнкой, под которой уютно и тепло.

Через три года нас было уже двенадцать. Человек радовался этому, украшал нами свой дом и дарил друзьям и родственникам. Мы были не одиноки в саду. Когда мы выходили из земли, нас встречали крокусы, которые, как они нам рассказывали глубокой осенью под землёй, начинают цвести в марте, когда ещё не сошёл снег. Закалённые ребята! Любопытные личики анютиных глазок изумлённо смотрели на нас. Рядом цвели ландыши, про которые Валерий Брюсов сказал: «Ландыш клонит жемчуг крупных белых слёз...». Каково, а? Ещё были грациозные нарциссы, изящные гиацинты, прекрасные и очень неприхотливые дицентры, чьи цветы в виде расколотых сердечек на элегантно склонившихся ветках навевают лёгкую грусть. Когда мы отцветали, то начинал цвести символ революции – гвоздика, ярко-красный шалфей – такой яркий цвет даже сравнить не с чем – и петунья. Также начинала вылезать вездесущая календула. Готовился зацвести пион. Нам всегда хотелось посмотреть на георгины, на этих королей сада, но они начинали цвести уже ближе к осени.

Помню: осень, холод подбирался,
Лист продрогший отлетал с осин,
Только на ветру ещё качался,
Не сдавался красный георгин.²

А осенью в саду Человека безраздельно царствовали астры.

А крупные яркие астры
В осенней сухой тишине
Так пестры и разномастны,
Что видимы и при луне.³

Когда же нас стало ещё больше, то Человек стал создавать целые композиции и клумбы с нашим участием: в центре, как самые высокие, были мы, нас окружали нарциссы, потом шли примулы и ландыши, а по самому краю – маргаритки с жёлтыми мягкими сердцевинками. Было так красиво, так невыносимо красиво, что иногда в сад Человека забирались другие люди, которые тоже любили красоту, но не умели её создавать, поэтому воровали чужие цветы. Но Человек не сердился, а только просил всех, чтобы они не вытаптывали землю и не ломали его сад без надобности.

– Ни хрена себе, сколько цветов, – иногда звучал чей-то молодой, но ленивый и усталый голос с той стороны забора. – Надо сегодня ночью сюда наведаться и всё ободрать.

– Да на фига тебе? – откликнулся чей-то такой же юный, но сонный голос.

– На рынок сдадим Ашоту: бабок срубим, тёлок снимем, кайф словим, – произносил первый голос странные заклинания.

Наш Хозяин таких слов никогда не говорил, и голос у него был очень красивый: мягкий, но очень уверенный и располагающий к себе, поэтому нам нравилось, когда он что-нибудь

² Стихи М. Палиевского.

³ Стихи Н. Асеева.

рассказывал. Он знал превеликое множество историй, легенд и стихов о цветах. Когда он работал в саду, то обязательно читал по памяти нам и своей жене стихи о цветах:

Всё, всё бело! Глаза не различат,
Как тут смешался с цветом сливы снег...
Где снег? Где цвет?
И только аромат
Укажет людям: слива или нет.⁴

Человек умело возделывал землю, и она дарила ему богатый урожай каждый год. А ещё он выращивал розы! Это высший пилотаж в цветоводстве, тем более в таком капризном климате. Ну, это такая красота, что вы не поверите, что такая красота возможна, если мы вам их опишем. Мы их видели в букетах, которые Человек дарил гостям и жене, а сами розы росли на другой стороне дома в специальной теплице. Они очень любят тепло.

Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой! —

читал Человек жене знаменитые стихи Ивана Мятлева.

«Сады, как известно, — писал Дмитрий Лихачёв в «Поэзии садов», — были неперменной принадлежностью лицеев и академий, начиная со времён Платона и Аристотеля». Потому что сад, этот ухоженный уголок природы, настраивает человеческое мышление на философский лад и раскрывает многие созидательные таланты Человека.

А иногда мы встречали такой сказочный праздник, который называется Новый год. Люди его отмечают, когда проходит день зимнего солнцестояния, и Солнце с каждым днём начинает подниматься всё выше и выше над горизонтом. А наш Хозяин видимо умел как-то договориться с самим Солнцем, и оно светило у него в теплице посреди зимы, да так сильно, что мы просыпались и зацветали.

— Ах, вы мои хорошие! — приветствовал нас Человек. — Извините, что я вас так рано разбудил.

Потом Человек переносил нас в горшочках в дом, где была ещё ель — видимо, она очень мёрзла зимой на улице, поэтому её тоже переносили в дом. Она была наряжена в такие драгоценные украшения, какие носят женщины. Женщины — это такие красивые цветы среди людей.

У Человека была большая и дружная семья, которая разрослась, как и мы, от одной луковки, и луковкой этой был он: глава семьи. Эта семья собиралась вместе на каждый праздник. У Человека был большой и очень уютный дом, который он, как настоящий Человек, построил своими руками. У дома была терраса, на которой в тёплые вечера Хозяйка устраивала чаепитие. А как пели птицы в саду по вечерам! Они знали, что здесь никто не бросит в них камень. Мы к тому времени уже закрывали бутоны, в которых иногда на ночлег устраивался большой шмель. Вообще-то этот шмель жил в теплице с огурцами, но иногда где-то загуливался до того, что когда прилетал обратно, теплица была уже закрыта.

— Ребята, ну войдите в моё положение: друзей встретил, в одном полке служили, то да сё... — принимался жужжать он нам.

— Да ладно распинаться-то, — смеялись мы. — Залезай!

⁴ Стихи Оно-но Такамуры.

Шмель храпел всю ночь в чьем-нибудь бутоне, а утром вновь улетал на промысел. Иногда он прилетал и пристраивал на ночлег ещё и своих друзей. Надо думать, тех самых однополчан.

У Человека было несколько сыновей, но они не любили, как их отец, работать на земле.

– Папа, отгадай загадку, – говорил ему младший сын. – Спинка чёрная, брюшко белое, лапки в навозе. Кто это?

– Ну, это жук какой-то.

– Это земледелец, папа. Это – ты! У тебя вся спина чёрная от солнца! – смеялись сыновья Человека.

Ещё у Человека были внуки и внучка. Особенно мы подружились с внучкой. Она была такая маленькая, с нас ростом, но уверенно топала крепкими ножонками каждое майское утро к месту нашей дислокации. У неё были золотые кудряшки и синие-пресиние глаза, какие бывают у людей только в раннем детстве, а потом почему-то тускнеют. Ещё у неё был замечательный курносый носик.

Однажды, когда шмель только что проснулся в бутоне кого-то из наших и сладко потягивался, зевая во всю ширь, внучка Человека заглянула как раз именно в этот бутон, бормоча что-то на своём языке.

– А-а-а!!! – заорал шмель.

– Ну, чего ты так орёшь? Это же внучка нашего Хозяина, – сказали мы. – Ребёнка напугаешь!

– А-а-а!!! – закричала внучка и шлёпнулась на песочной дорожке.

– Ах, красавица ты моя, – с веранды вышел Человек и начал успокаивать плачущую внучку. – Это только шмель, а это – тюльпаны. Посмотри, какие красивые. Их раньше было мало, а теперь видишь, как много!

– Угу, гу-гу, – ответила внучка.

Так мы и жили долгие годы. Каждую весну, когда от земли исходит запах возрождающейся жизни, мы вылезали после зимней спячки из земли и расцветали красным ковром под окнами дома Человека.

– Привет, Весна! Привет, Май! – радовались мы ещё одному возрождению.

– Здорово! – отвечали нам Весна и Май первой грозой и запахом озона.

– Салют, ландыши и нарциссы!

– Ну, здравствуй, ещё раз, о персидский тюрбан! – поэтично приветствовали нас эти прекрасные обитатели сада.

Но случилось то, чего мы никак не ожидали: у Человека погибла жена. Мы не сразу поняли, что это такое, потому что мы каждый год умираем, но по весне возрождаемся снова. Но у людей всё иначе: они уходят безвозвратно, а это так грустно. Мы только помним, что это произошло зимой, когда мы спали в земле. Его жена попала под машину, как когда-то чуть не попала под её колёса наша первая луковка. Мы ещё заметили, что Человек в этот Новый год не стал нас будить, потому что очень страдал, и ему было не до нас.

– Ну вот, один я остался, – плакал над нами Человек, когда мы вылезли весной. – Умерла моя Хозяйка.

Его горячие и солёные слёзы капали на нас и смешивались с чистой росой. Потом он собрал большой букет из нас и других цветов и отнёс его очень далеко: туда, где закапывают в землю людей, как осенью закапывают клубни и луковицы цветов, чтобы они взошли по весне. И мы плакали вместе с ним и утешали его, что она обязательно вернётся, надо только подождать до следующей весны. Весна – это священное время, которое возвращает жизнь всему существу. Мы тянули к нему лепестки и говорили ему, что он не один, что у него есть мы и его большая и дружная семья.

Но она не вернулась: ни в следующую весну, ни в последующую. Как странно устроен мир людей! Как же можно безвозвратно уходить от своих близких, которые так нуждаются в тебе? Этого не может быть, потому что в высшей степени неразумно! Мы знаем, что умершие люди тоже обязательно вернуться в этот мир. Просто надо запастись терпением и ждать, потому что они настолько сложно устроены, что Природе надо проделать очень большую работу, чтобы вновь возродить этот венец своего творения.

– Папа, ты, может, ещё женишься? – говорили сыновья Человека отцу, стараясь не смотреть ему в глаза. – Ты ещё не такой и старый: найдёшь себе бабу какую-нибудь с квартирой, а дом нам подпишешь.

Но Человек стал стареть прямо на глазах и вскоре слёг. Умирал он в мае, когда сад цвёл как сумасшедший, словно хотел порадовать напоследок Хозяина. Цвели не только весенние цветы, но вылезли даже пионы раньше срока, так как Земля всем нам сказала, что скоро заберёт этого Человека. И если мы хотим с ним проститься, то надо поторопиться.

Его семьи не было рядом, когда его не стало. Рядом были только мы и старуха-соседка, которую Человек попросил срезать и принести ему букет цветов из его сада. Так она и сделала. Он обнимал нас, а когда руки его ослабели, то мы все упали ему на лицо и грудь и слушали, как ещё бьётся его огромное доброе сердце. Когда оно вытолкнуло кровь в последний раз, собака Человека резко и протяжно завывала.

– Мы будем ждать тебя, Человек, – сказали мы ему, – ты только возвращайся!

– Георгий-то никак помер, – переговаривались соседи. – Слышишь, как собака воет?

Человека закопали в землю рядом с женой, и дом его опустел. В него иногда приезжал кто-то из сыновей Человека с какой-нибудь чужой женщиной, а иногда и с двумя.

– Ой, какая красота! – сказала однажды одна из них и присела на корточки рядом с нами. – Подари мне один цветочек.

– Подари, подари, – кивали мы бутонами. – Мы украсим вашу жизнь, люди, и вы станете ещё добрее и мудрее...

– Перебьёшься, дура! – буркнул сын Человека. – Пшли быстрее, а то мне некогда: жена сказала к шести дома быть.

– И то правда, – согласилась чужая женщина. – Мне ещё ребёнка из детсада надо забирать.

И они заходили в дом, а через какое-то время выходили оттуда и, воровато озираясь, разбегались в разные стороны, как и положено совершенно чужим друг другу людям.

А потом приехали все дети и внуки Человека и стали делить меж собой этот некогда уютный и чистый дом. Они долго спорили, пили какую-то мутную жидкость, дрались, снова спорили и снова пили. Потом старший сын Человека гонялся за своим младшим братом вокруг дома и валял его в пряных зарослях люпина, вытоптав рабатуку с мальвами.

– Я те покажу, падла, полдома! Я те такие полдома дам, что и не унесёшь, сука! – увещевал он, молотя родного брата кулаками.

Так они и не договорились, после чего разъехались, выкрикивая вслед друг другу проклятья. Но потом, когда уже совсем стемнело, вернулся средний сын Человека и поджёг дом.

– Обойти меня решили, сволочи, – приговаривал он, поливая стены дома чем-то из канистры. – Вот вам, получайте домик, мрази!

– Что ты делаешь, человек, сын Человека? – волновался сад. – Мы ждём своего Хозяина: он обязательно вернётся!

Но сын Человека не слышал. Он вообще уже давно никого не слышал и не видел, как обычно не слышат, не видят и ничего не чувствуют мёртвые организмы. Дом Человека горел ярко и жарко, словно выделял всё то тепло, которое накопилось в нём за жизнь Хозяина. Так и погребло всё богатое наследие Человека, как только к нему прикоснулись его дети.

Потом приехали люди в форме и привезли среднего сына Человека в таких стальных браслетах с цепочкой между ними. Они долго ходили вокруг обгоревших стен и что-то запищивали. А потом приехали остальные дети Человека и снова дрались друг с другом. Мы смотрели на это в оцепенении и вспомнили, как Человек когда-то объяснял кому-то из друзей-земледельцев, что с годами растительная культура вырождается и тогда надо полностью обновлять посадочный материал. Видимо, произошло именно такое вырождение в семье самого Человека.

Когда они уехали, наконец-то наступила благословенная тишина, и пошёл тёплый дождь, словно само небо о чём-то плакало. И мы плакали вместе с небом и спрашивали дождь, где же он был раньше, когда горел дом. Дом, оставшийся без Хозяина.

То, что осталось от дома, походило на зияющую кровоточащую рану, которая ещё долго дымилась, отдавая Природе своё тепло, как свежая кровь из раны человека источает пар на морозе. И мы все тянулись к пепелищу, желая согреться остатками этого тепла, потому что нам сразу стало холодно и неудобно в этом мире без Человека.

Этой осенью никто не ухаживал за садом, никто не декламировал наши любимые стихи Ки-но Цураюки:

Осенний вид не привлекает взора.
В горах сейчас не встретишь никого.
Цветы осыпались...
И только листья клёна —
Как ночью золотистая парча.

Мы слышали сквозь сон только тишину, стук дождя по опавшей листве, которую некому было собрать, и завывания холодного ветра над землёй, поэтому, вылезая из земли на следующую весну, мы подумали сначала, что по ошибке попали не в свой сад.

– Нет, ребята, это наш сад, – грустно поприветствовал нас крокус. – Я тоже не сразу поверил.

– Здравствуйте, дорогие вы мои, – всхлипывал ландыш. – Как же мы теперь будем без Хозяина-то-о-о?

– Нет, он вернётся: я сердцем чувую, что вернётся, – плакала росой дицентра.

Когда мы отцветали в тот год, у нас уже не принимали эстафету, как прежде, ни петунии, ни шалфей, ни георгины. Возшла только вездесущая календула, да лилии испугано озирались по сторонам сквозь высокую траву. И мы вспоминали, как Человек читал нам Бунина:

Тёмной ночью белых лилий
Сон неясный тих.
Ветерок ночной прохладой
Обвевает их.

– Не уходите, тюльпаны! – умоляли нас лилии. – Как же мы будем здесь совсем одни?

Но мы ничего не могли поделать, потому что у Природы всё чётко расписано: кому время всходить, а кому – отмирать. Так мы отмирили и возродились ещё несколько лет, за которые сад окончательно зарос полевой травой и лопухами, крапивой и подорожником, сквозь которые уже нельзя было различить нежные ландыши и печальную дицентру. Над нами уже не кружились так весело, как раньше, пчелы и шмели. Мы стали мельче, потому что наши луковицы всё глубже уходили в землю. Никто бы уже не сказал, что ещё несколько лет тому назад здесь был великолепный сад.

– Ах, какие же вы красивые! – восхищались нами искренние одуванчики.

– Ах, если бы вы знали, какими мы были прежде, – отвечали мы грустно.

Однажды пришли трое шатающихся мужчин, и мы оживились, что появились наконец-то люди: эти единственные создания на Земле, которые умеют красиво обустроить жизненное пространство.

– Нет, ты мне скажи, – горячился один из них, – какое право имеют эти америкашки удерживать в тюрьге Хусейна нашего?

– Да какой же он наш? – отвечал другой человек. – Я тебе толкую про ситуацию в секторе Газа...

– Ну что, накатим, что ли, – перебивал их третий. – Только закуска кончилась.

Мы поняли, что эти люди, одетые в лохмотья, не способные обеспечить себе пропитание и при этом амбициозно рассуждающие о политике далёких стран, не имеют интереса к обустройству своей жизни. Но они нас всё-таки заметили: может быть, мы ошиблись в них?

– Гляди-ка, тюльпаны! – заметил заступник Хусейна и принялся выковыривать ножом из земли несколько луковиц. – Закуска какая-никакая.

– Нет! – вскричали мы в ужасе, пытаясь закрыться широкими листьями. – Не надо нас есть! Мы призваны украшать вашу жизнь и землю. Наш жизнеутверждающий цвет подарит вам энергию к созиданию и творчеству...

– Тьфу-у! Крахмала много, – отшвырнул надкушенную луковицу специалист по проблемам сектора Газа. – Да брось ты их! Ты мне лучше скажи, о чём это президент Грузии думает, когда...

– На вот, нарцисс попробуй!

– Ну что, накатим, что ли, – предложил третий человек. – За то, чтобы понизили цены на водку, а то надоело этот денатурат хлебать!

Ах, люди-люди, даже тосты вы разучились произносить! То ли дело был наш Хозяин, который произносил тосты, которые походили на поэму:

– В Турции сохранилась старинная поговорка: «У кого два хлеба, тот пусть продаст один, чтобы купить цветок нарцисса, ибо хлеб – пища для тела, а нарцисс – пища для души». Так поднимем же наши бокалы и сдвинем их дружно за то, чтобы у людей всегда были и хлеб, и нарциссы! – так говорил Человек, когда в праздник к нему приходили гости.

Мужчины, в конце концов ушли, а у наших ног остались лежать несколько наших растерзанных братьев, но мы ничем уже не могли им помочь, и от этого нам было очень горько.

Ттак мы и живём уже несколько лет. Наши луковицы ушли глубоко в землю: их плотно оплетает тугими корнями снить обыкновенная. Она вскоре вытеснит нас отсюда, как и другие садовые цветы, которые совсем недавно цвели вместе с нами и радовали красотой землю и людей.

Ах, если бы нашёлся какой-нибудь добрый Человек, имеющий тягу к прекрасному, и умеющий обустроить жизнь и землю, выкопал нас отсюда и посадил бы в своём саду, то мы стали бы такими же прекрасными, как были когда-то! Ах, как давно это было... Наш жизнеутверждающий красный цвет подарит вам энергию и радость, а широкие зелёные листья сделают его ещё ярче. Как всё продумано и подобрано у мудрой и вечной Природы.

Суд Линча

Началось всё с того, что на окраине города стали грабить огороды. А что такое огород в наших краях, что за город без огорода? Не сразу и объяснишь, чтобы всем понятно стало. Это же совсем не то, когда, скажем, рядовой англичанин или немец ходят в свой холёный сад, где работает свой садовник – какой-нибудь бывший доктор технических наук из бывшего же Советского Союза, – и только изредка сами поковыриваются в земле, чтобы посадить там какой-нибудь кустик для общей релаксации, так как некоторые растения оттягивают негативную энергетику или потому, что так посоветовал личный психоаналитик.

В России же огород – это наше всё, чисто практическое мероприятие: вырастить урожай, собрать его и употребить в пищу, желательно не раньше наступления следующего огородного сезона. Весной, конечно, многие рассчитывают на крапиву, причитая, как им в двадцать первом веке пришлось перейти на подножный, проживая в Великой державе. Тсс, отставить сопли и крамольные мысли! Если власть прикажет, икая балыком и красно-чёрной икрой, то и землю жрать будем!

Да бог с ней, с этой властью: уже то замечательно, что хоть кто-то в стране хорошо живёт. Это должно радовать. А весенние щи из молодой крапивки очень полезны. А если туда добавить ещё немного сметанки, то это, вообще, такое объедение! Не случайно в последние годы появилось много литературы о том, что полезно есть глину, или вообще ничего не есть – вот радость-то для нашего правительства! Или как можно приготовить блюда, например, из дягиля и сныти, которые только на вид неказисты, а на самом деле представляют собой прямо-таки кладезь питательных веществ и эфирных масел. Тут вам и такое важное вещество, как холин, и все витамины от А до Я, и флавоноиды, и кверцетин, и кемпферол, который укрепляет сердечную мышцу и стенки сосудов. А каково россиянину без крепкого сердца – сами знаете. К тому же растут эти растения повсюду и не требуют заботы. Как и сами россияне.

Каждая рачительная русская хозяйка обзавелась книгами с такими рекомендациями. У меня они тоже постоянно на кухне под рукой. Про иван-чай там сказано, что «грубое волокно из его стеблей пригодно для выделки верёвок». Очень ценное знание на случай, если человеку окончательно надоест поедать траву. А про крапиву почему-то написано, что «высокое содержание в ней витаминов повышает яйценоскость кур и другой домашней птицы». Ну, это ничего. Как любят говорить у нас в России, курица – не птица, а баба – лучше, чем человек.

Кстати, что касается мужиков, то им на такой пище долго не продержаться, как бы жёны их и не заверяли, что в листьях лопуха содержится умопомрачительное количество солей калия. Мужик, работающий в сельской местности, не может питаться пыреем ползучим, заедая это дело одуванчиком на десерт. Его деятельный организм требует мяса и полноценного гарнира. Но в последние годы в нашей стране с холодным климатом стало очень популярно учение Йоги, которое в советское время преследовалось чуть ли не в уголовном порядке, а теперь разрешено и даже рекомендовано. Родина Йоги – жаркая страна Индия, где можно весь день сидеть нагишом в позе лотоса на голой земле и медитировать, а потом залезть на пальму, скушать банан и снова окунуться в медитацию, но уже в позе «ноги за голову». Про голодание теперь говорят, что оно лечит все болезни, приводя в пример Самого Христа, который сорок дней ничего не ел в пустыне. И даже становится как-то стыдно, что мы так много хотим от жизни, вместо того, чтобы медитировать с пустым желудком.

Но сельскому жителю в самом деле некогда медитировать, тем более, на голой земле – она у нас очень холодная. Ему надо не прозевать коварные майские заморозки, которые могут свести на нет все весенние труды и оставить без урожая. Он бегаёт ночью по своим

владениям и закрывает ростки растений плёнкой, которая появилась наконец-то в продаже. А если нет плёнки, то в ход идут кастрюльки и миски со всего дома. Если же не хватает кухонного инвентаря, то приходится жечь костры, чтобы окутать дымом землю, не отдать её в объятья заморозкам. Днём поселянин вскапывает и удобряет землю, подкармливает и пересаживает рассаду из теплицы на открытый воздух и молит небеса о пощаде к его небольшому кусочку земли. И это – только весенние заботы! А впереди ещё непредсказуемое лето с коварными ливнями и градами, с незапланированными засухами и ветрами. Потом наступит капризная осень, которая может ранним снегопадом загубить весь урожай капусты и яблок. Это не юг, где можно получать по три-четыре урожая в год. Здесь идёт борьба за каждый росток в прямом смысле слова.

Живучий российский народ делает всё возможное, чтобы сохранить свою неповторимую разновидность в современном мире, но ему иногда кажется, что это приводит в недоумение многих гениев от политики, которые испробовали, казалось, все мыслимые и немыслимые методы, препятствующие выживанию среднестатистического человека. Народу от недоедания, что ли, но мерещатся такие разговоры сильных мира сего о нём:

– Ну, как там наш народ? – царственно вопрошают сильные у приспешников.

– Да чёрт их знает: как-то живут всё ещё.

– А дустом их не пробовали травить?

– Всем пробовали: и радиацией, и нитратами, и дустом, чтоб им было пусто.

– Ну, как же им не стыдно! Почему они ещё живы?! Мы все извилины надорвали, что ещё такого придумать, как бы их извести, а у них ни стыда, ни совести: живут, как ни в чём не бывало! Ну, где ещё такой наглый народ есть?

Ах, какую ужасную ошибку совершили врачи Третьего Рейха, производя опыты по выживанию человеческого организма, скажем, в ледяной или кипящей воде на русских пленных, стоя рядом с секундомером в руках и с немецкой педантичностью заносая в табличку время смерти подопытного! Организм русского человека кардинально отличается от организмов остального человечества в плане выживания. Он стал подобен дикорастущим растениям, которые сколько ни изводи в том же огороде, а они вынесут любые испытания и по весне вновь заполнят весь участок. Это не тепличное растение, которое хозяин бережно растит на подоконнике всю весну, потому что оно может погибнуть даже при десяти градусах тепла.

Россия иногда напоминает искусственно созданный полигон по испытанию выживаемости человека в экстремальных условиях. Словно в наших правителях сидит непреодолимое любопытство: сколько шкур можно снять с одного человека. Ну, одну уже сняли, и вторую – тоже, но на нём откуда-то вырастает ещё и третья! А что будет, если и эту шкуру содрать? Крайне любопытно!

– Наш народ – лучший народ в мире! – иногда со слезьми в голосе кричат наши многочисленные политики с трибун.

И россияне их понимают: куда уж лучше. Потому что какой другой народ давно бы послал куда подальше.

Этот полигон создан искусственно, потому что надо было очень постараться, чтобы государство с богатейшими ресурсами, где есть все виды полезных ископаемых, ввергнуть в нищету. Даже если очень захочешь так сделать, то не получится, но наши многочисленные и все, как на подбор, великие политики на то и великие, что у них получилось осуществить невозможное. Хочется надеяться, что сей эксперимент, растянувшийся на всю историю моей страны, закончится хотя бы в наступившем тысячелетии.

Российский огород, которому можно и нужно поставить памятник, остался единственной надеждой и опорой, что не даёт окончательно протянуть ноги российскому же провинциалу. Поскольку работа на огороде крайне трудна и непривлекательна, а кушать хочется

всем и всегда (как не покажется это странным власть имущим), как уже и было сказано, участвовали набеги голодных соотечественников, не имеющих собственного огорода или врождённой предрасположенности к агрономии, во владения сельских жителей.

– А я что могу сделать? – схватился участковый Николай Борисович за голову, когда поселяне достали его жалобами. – У меня столько краж, убийств, а сотрудников не хватает. Теперь вы ещё!

– Коленька, солнышко, а когда ты мой умывальник найдёшь? – напомнила о себе баба Оля.

– Никогда, – огрызнулся участковый. – Не надо искушать преступников! Зачем Вы его во дворе повесили? В Райцентре все лифты из строя вывели: цветные металлы воруют, а у Вас во дворе целый алюминиевый умывальник висит зачем-то.

– Как это «зачем»? Когда работу в огороде закончишь, то надо же руки помыть.

– Вот и мыли бы свои руки в доме! – наставлял участковый. – Я в бочке мою или в корыте старом: на них никто не позарится.

– Отнюдь, – заявил через забор пенсионер Дорохов. – На прошлой неделе у меня из сарая ржавую бочку свистнули. Я уж не стал Вас по пустякам беспокоить.

– Но умывальник-то этот у меня во дворе всю жизнь висел, ещё когда мои родители живы были! Даже фашисты его не тронули.

– А теперь другие времена, Ольга Савельевна. Я очень Вам сочувствую, но сами подумайте, где я Вам его теперь найду? Его давно распилили на части да сдали куда-нибудь на лом.

– Да подождите вы с умывальниками! – раздражённо оборвал всех учитель физкультуры Трошкин, у которого минувшей ночью выкопали две ровки картошки на грядке у реки. – Ты лучше скажи, Борисыч, как нам урожай защитить? Ведь сколько трудов потрачено!

– Охранять надо.

– Чтобы охранять, оружие надо. К соседям забралось пятеро здоровых парней и давай по огороду шуровать, а дома были только бабка да внучка: они в подвал спрятались и там отсиделись. Прямо страшнее, чем при немцах: те хоть чужие были, пришлые, а эти-то – свои. Было бы в каждом доме ружьецо хоть какое-нибудь...

– Какое оружие, какое ружьецо?! Вы ещё перестреляете тут друг друга сгоряча! Я если в преступника выстрелю на задержании, меня затаскают по разным комиссиям, да ещё засудят, а уж про вас и говорить нечего. Это в американских фильмах полицейские палят в бандитов, сколько хотят, а у нас – гуманизм. Сгруппируйтесь по несколько человек, колья какие-нибудь возьмите. Если что, то слегка подубасить можно вора. Но только слегка! Для профилактики. И ко мне его тащите.

С этими словами участковый сел на велосипед и поехал в соседнюю деревню, где минувшей ночью украли целый трактор. А в садоводствах на окраине стали создавать дружины, которые дежурили по ночам в смену. Это очень сплотило людей. Но в августе ночи становятся тёмными и прохладными, поэтому несколько раз враг ушёл незамеченным. Ну, да ничего: лиха беда начало. Со временем выработался кой-какой опыт, что ещё больше обозлило воров, поэтому они стали действовать жёстко и нагло, оставляя за собой сломанные теплицы и заборы, вытопанные и разорённые огороды. Крали не только урожай, но и кур, и уток, и даже коз.

Иногда среди похитителей попадались вполне приличные и обеспеченные молодые люди, как, например, сын преподавателя одного из ВУЗов Петербурга. Когда его спросили, зачем ему нужен украденный лук и чеснок, он искренне пожал плечами и насмешливо спросил: «А вам жалко, что ли?» Вообще, разные люди попадались, но был негласный уго-

вор: если попадётся кто-нибудь совсем уж отчаявшийся и по-настоящему нуждающийся, то можно и отпустить на все четыре стороны.

Как на грех, в соседнем посёлке временно расположилась воинская часть. Солдатики нередко шныряли ночами по окрестным хозяйствам и огородам в поисках пропитания. Потому что возраст такой, когда организм усиленно продолжает расти и ему постоянно хочется кушать. Двоих поймали, когда они украли гуся и оборвали огурцы в чьей-то теплице. Но у хозяйки гуся был сын-солдат, который нёс службу где-то в Сибири, а у хозяйки огурцов был внук-сверхсрочник, которого судьба занесла на Сахалин, поэтому женщины сначала заголосили, а потом потащили перепуганных худосочных «защитников Отечества» к себе домой, где накормили их хорошенько и ещё с собой дали сухой паёк. На следующий день приходил лейтенант и дико извинялся за данный инцидент, но бабы его также накормили до отвала и отпустили с миром, после чего установилось перемирие, согласно которому солдаты и поселяне не должны были обижать друг друга. Некоторые женщины, у которых служили в армии братья, сыновья, племянники или внуки, сами выносили солдатам продукты, когда те празднично шатались где-нибудь поблизости, и просили их не ломать заборы и не вытаптывать грядки.

– Хотите поесть, так только скажите, – говорили бабы и сокрушались, глядя на этих маленьких и хмурых грубоватых мальчиков в солдатской форме.

Но были и такие граждане, которые отчаянно строчили жалобы в различные инстанции о голодных солдатах и их ночных вылазках в поисках еды. Ситуация вскоре разрешилась, когда воинская часть передислоцировалась на новое место, оставив нескольких местных женщин в очень интересном положении.

Но набеги на огороды не закончились. Дружины дежурили каждую ночь, и люди ждали середины осени, когда урожай будет собран и убран на хранение. Особенно никто не хулиганил: то попалась женщина, мать-одиночка двоих детей, которая пыталась стащить два кочана капусты, то заезжим рыбакам захотелось разжиться петрушкой для ухи. Их отпустили, так как они вели себя лояльно.

Но тут объявилась целая банда, которая всполошила округу. Какие-то добры молодцы в тонких вязаных шапках, натянутых на лицо, однажды сами напали на дружину, поколотили её членов их же кольями и заставили под прицелом двух обрезов выкопать огромное поле картошки, уложить её в мешки и погрузить в машину с замазанными номерами, после чего скрылись в неизвестном направлении. Случай этот ужасно обозлил всех беспримерной наглостью и цинизмом. Теперь дежурили большими группами, и был даже шёпот, что якобы у кого-то завелось огнестрельное оружие. Это больше всего встревожило участкового, который сам стал дежурить по ночам, что ужасно его изматывало.

– Борисыч, иди ты спать, – говорили ему мужики. – Тебе же завтра на службу.

– Да, я уйду, а вы ненароком кого-нибудь завалите, – чуть не плакал от усталости и безысходности участковый.

Стояла тёмная дождливая ночь. Дождь лил как из ведра, поэтому дружина решила разойтись по домам.

– Кому приспичит в такую гнилую погоду шастать по огородам? – резонно решили люди.

– Кого чёрт дёрнет охранять огороды в дождь? – догадались вору.

Они залезли в огород к врачу Скорой помощи Татьяне Филипповне, которая в силу профессии привыкла не спать по ночам. Она сразу заметила возню в саду и позвонила соседям. Те позвонили другим соседям, и через некоторое время огород врача был окружён со всех сторон поселянами по всем правилам ведения войны. Трое здоровых парней беспомощно заметались в темноте. Один из них подлетел к краснодеревщику Дубову и взмахнул ножонкой, как герой Ван Дамма, с диковинным криком «Ки-ий-я-а-а!» Дубов даже не колыхнулся,

а просто и без выкрутасов хлопнул парня по голове гигантской ладонью, отчего тот смиренно лёг у его ног. Двое других повели себя крайне неразумно: один вытащил приличного размера нож, а другой принялся выкрикивать оскорбления и собирался позвонить по мобильному телефону своему адвокату. В атмосфере запахло чем-то нехорошим, предчувствием насилия человека над человеком. Так бывает, когда кто-нибудь зажигает спичку в помещении, где может быть газ. Или разъярённый зверь срывается с цепи и мчится на своего обидчика.

Мужики, занимающиеся всю жизнь тяжёлым физическим трудом, легко сбили парней с ног, навалились на них и принялись, что называется, метелить безо всяких этих «ки-ий-я-а» и прочих премудростей. Затрещали кости, полетели зубы, брызнула кровь. Бабы не совались, потому что это было опасно для жизни, а только ахали и охали. Когда мужикам немного полегчало от этой разминки, они поволокли горе-грабителей к речке, которая была рядом.

– Сейчас, суки, мы вам боевое крещение произведём, – приговаривали мужики. – Ох, сейчас мы на вас отыграемся!

– Плывите, бл...ди, – сказали они парням на берегу реки. – Кто до того берега доплывёт, тот и свободен.

– Вы чего, совсем озверели, фашисты? – опять начали грубить парни, за что их снова били, а затем, раскачав за руки и ноги, бросили в воду.

Речка наша не очень широкая, но капризная и непредсказуемая, а местами – достаточно глубокая. Недалеко от этого места находится искусственный порог, поэтому течение здесь довольно-таки сильное, тем более в дождь. А на дворе уже начало осени, и вода в реках и озёрах по ночам становится ледяной.

Мужики стояли на берегу и, тяжело переводя дух после потасовки, внимательно смотрели на воду. Там, в темноте, которая уже стала рассеиваться перед рассветом, на поверхности показались две головы. Одна из них достаточно бойко продвигалась к противоположному берегу, а другая несколько раз уходила под воду, снова выныривала, захлёбываясь, и наконец окончательно исчезла в пучине волн.

– Утоп! – крикнул женский голос. – Спасайте, достаньте! Грех-то какой!..

– Ага, щас: разбежались, – сплюнул кто-то из мужиков. – Туда этой падле и дорога.

– А этот-то, первый-то... Ведь уйдёт, мужики!

Непотопляемый пловец доплыл до берега, вылез из воды, хотел крикнуть что-то оскорбительное, но не смог, так как зубы у него стучали от холода. Да так, что было слышно на этом берегу. Тогда он вытянул руку и изобразил характерный жест в виде кулака с распрямлённым средним пальцем.

– Да беги ты, дур-р-рак... – прошипел кто-то из баб.

Но в мужиках жест пробудил хищный инстинкт преследования, и тут в их толпе обнаружилось огнестрельное оружие в лице самозарядной винтовки.

– Игорёк, шмальни по гаду, – обратился владелец винтовки к одному мужику, который раньше служил конвоиром при камере смертников, и, как говорили, мог попасть в убегающего человека в полной темноте, ориентируясь по звуку топота его ног. – Жалко, если уйдёт.

– Только не насмерть, – запрочитала Татьяна Филипповна.

Немногословный Игорёк молча взял винтовку и также молча сразу выстрелил, словно бы и не целясь. Парень на том берегу закрутился на месте и повалился на бок, дрыгая одной ногой.

– Уби-и-или-и! – разрезал предрассветную тишину истошный вопль. – Мужики, да что ж вы делаете?! Ну, намяли им бока, да и отпустили бы!

– Да ничего я не убил, – спокойно сказал Игорь. – Пуля под колено прошла. Надо ему ляжку ремнём перетянуть, а то кровью изойдёт.

– А где ещё-то один? – всполошился кто-то.

– На дне! – засмеялись в ответ.

– Нет, ребята, надо его достать! Нас же всех к уголовке привлекут.

– Если языком не будет никто болтать, так и не привлекут. А ежели кто лишнее ляпнет...

– Да вот же он! – закричали в сумерках.

Метрах в двадцати от места происшествия под нависшим над водой берегом полусидел утопленник. Видимо, его прибило сильным течением. Мужики разделились на две группы: одна побежала через хлипкий мостик на тот берег за подстреленным, а другая принялась вытаскивать утопленника. Подстреленный скрипел зубами, а утопленник не подавал признаков жизни, и это было хуже всего.

Уже почти рассвело. Раненого унесли в ближайший дом, где Татьяна Филипповна оказала ему первую медицинскую помощь, а утопленнику несколько раз делали искусственное дыхание, но это мало помогло. Его и тормошили, и хлопали по щекам, и переворачивали вниз головой, но он даже не булькал.

Никто не мог точно сказать, сколько времени прошло с момента данного происшествия. Кому-то казалось, что прошла целая вечность, а кто-то утверждал, что всего лишь пара минут.

– Ну я же просил, я ж говорил! – с пригорка катился на велосипеде участковый, подсакивая на кочках, отчего пару раз прикусил себе язык. – Я как чувствовал, что этим дело кончится.

Он бросил велосипед и подбежал к бездыханному грабителю:

– Кто это сделал?

– Мы, – смотрели мужики на утопленника такими глазами, какими смотрит Иван Грозный на знаменитом полотне Репина.

Если кто и сумел полностью выразить русский характер в изобразительном искусстве, так это Илья Ефимович Репин в картине, известной в народе как «Иван Грозный убивает своего сына». Картина запоминается не «колоритом в густых лужах крови, пролитых на горячие краски персидского ковра», а безумным и страшным взглядом царя-отца: сначала сделал дело, а потом ужаснулся своему деянию. И за этим остекленевшим взором кроется та исконно русская противоречивость, которая и является главной отличительной чертой загадочной русской души. Которую мы сами в себе не понимаем и не принимаем, иногда отрицаем, а бывает, люто ненавидим себя за то, что есть она в нас. Хотя ругать себя за это, всё равно, что обвинять зебру в её полосатости. Полосы чёрные и белые – всё соединено воедино на одной шкуре. Эта противоречивость – как орёл о двух головах, каждая из которых смотрит в противоположную сторону. Это несочетаемое сочетание европейского гуманизма и азиатской свирепости, деятельного Запада и созерцательного Востока происходит, должно быть, от местоположения России на рубеже двух разных миров.

– Кто «мы»? Вы сами-то понимаете, что наделали! – убивался участковый. – Я же говорил, только слегка подубасить для профилактики, а не всю душу вкладывать...

– Ну, давай, арестовывай нас, Коля, – спокойно сказал на это Игорёк.

– Да ну вас! – отмахнулся тот и ещё больше расстроился.

– Может быть, ещё раз искусственное дыхание сделать? – предложил кто-то несмело.

– Какое дыхание? – раздражённо сверкнул глазами Николай Борисович и нагнулся над потерпевшим.

Из кармана у него выпал маленький, но тяжёлый пистолет, который участковый изъяс в минувший день у банды школьников, и угодил прямо в живот утопленнику, отчего тот вдруг зашёлся в мучительном кашле, потом сел и выплюнул некоторое количество воды.

– Живой! Ура-а! – с каким-то облегчением выдохнули все и бросились к нему.

– Не убивайте, – всхлипывал воскресший, – я больше не буду-у-у...

Но его и не собирались убивать, а радовались, словно камень упал с души.

– А чего ты лежал так долго? – по-приятельски спрашивали непотопляемого гороворишку мужики. – Мы тебя и так трясли, и этак, а ты – ни гу-гу.

– Я испуга-а-ался, – парень вытер нос рукавом.

– Детский сад, – презрительно сплюнул Игорёк.

– Есть хочешь? – спросила баба Оля виновника всеобщей радости.

– Не знаю, – испуганно ответил тот.

– А вы что здесь делаете? – шикнул участковый на стайку детей. – Вам через два часа надо в школу идти.

– Дядя Коля, а покажите нам пистолет, – сказал белёсый мальчишка, ковыряя в носу.

– Это не игрушка. А ну, марш по домам!

В небе окончательно утвердился рассвет. Тяжёлые свинцовые тучи выплакались за ночь, и теперь в чистом светлом небе выступало вечное Солнце. В его холодных утренних лучах особенно ясно проступила первая золотая листва.

Гало

Колька выскочил из школы на улицу и зажмурился от нестерпимо яркого света, удивившего его по веснушчатому лицу. Открыл глаза и не поверил тому, что увидел. В небе, как ни в чём не бывало, выстроившись в ряд над горизонтом, светили три солнца. В воздухе порхала мелкая снежная пыль.

– Не может быть! – прошептал Колька и, ещё раз зажмурившись, помотал головой.

Но солнца никуда не исчезли. Лучи среднего из них походили на гигантский ромб с вогнутыми сторонами, а два крайних солнца были слегка вытянуты в высоту.

– С ума сойти! – ахнул Колька и побежал в школу, чтобы хоть с кем-то поделиться увиденным.

– Кыш, пострел, – прикрикнула на него уборщица. – Куды пошёл следить по мытому?

– Баба Вера, там... там... три солнца в небе!

– Вам бы всё безобразить! Ишь, чего удумал: три солнца! Только бы посмеяться над старой бабкой.

– Да нет же, нет! – Колька боялся, что, пока он будет спорить, солнца исчезнут. – Посмотрите в окно: вот же они! Смотрите, смотрите...

– Некогда мне в окна засматриваться. Я весь день свету белого не вижу, а тем более солнца, – баба Вера продолжала надраивать полы в школьном вестибюле.

По лестнице в верхней одежде спускался директор школы Василий Петрович. Он преподавал физику в старших классах и вёл факультативные занятия по занимательной электротехнике. Очень строгий товарищ.

– До свидания, Василий Петрович, – поклонилась ему уборщица.

– Всего доброго, Вера Сергеевна, – вежливо ответил он.

– Василий Петрович, – обратился к нему Колька и тут же испугался, что запросто отвлёк Самого Директора школы от его важных дел.

– Да. Если не ошибаюсь, ученик шестого «А» Николай Цветиков? – строго взглянул директор. – Что случилось?

– А... это... вот, что это? – Колька от волнения не мог ничего сказать, а только показал рукой в сторону трёх солнц.

– Ох ты! – неожиданно Василий Петрович даже присвистнул. – Ну-ка, ну-ка, посмотрим.

Они с Колькой вышли на улицу, и Василий Петрович какое-то время внимательно разглядывал всё небо: не только сами солнца, но и выше, как будто искал что-то ещё.

– Так, значит давление падает, поэтому жди циклон, – пробормотал директор и вдруг неожиданно торжественно сказал: – Поздравляю Вас, Цветиков! Я рад, что Вы обратили внимание на это. Мы с Вами наблюдаем довольно-таки редкое явление, одно из разновидностей гало: парантелии или ложные солнца.

– А как они так... утроились? – Колька не знал, какое слово подобрать для данного явления.

– Да нет, солнце-то на самом деле одно, иначе и быть не может, – Василий Петрович тоже, казалось, подбирая слова, чтобы объяснить Цветикову данное явление. – Ты физику пока не начал изучать. Это ничего, что я на «ты»?

Колька помотал головой, потому что был даже рад, что этот серьёзный умный человек говорит ему «ты».

– Ну, так вот, – продолжал директор, – когда ты будешь учиться в одиннадцатом классе, то узнаешь о таком интереснейшем явлении, как преломление света. О-о, это самое удивительное явление физики в природе! Ты видел когда-нибудь радугу?

Колька кивнул.

– То, что мы с тобой сейчас наблюдаем, из той же оперы.

– Как это?

– Ты видишь снежную пыль в воздухе? – Василий Петрович входил в профессиональный азарт.

– Ага.

– Это мелкие-премелкие ледяные кристаллы, которые присутствуют в облаках и атмосфере зимой при высокой влажности и морозе. Джек Лондон в рассказе «Тропой ложных солнц» называл эту снежную пыль алмазной. Чувствуешь, как поэтично?

– Да, – Колька восхищённо слушал.

– Да-а, брат, физика – это на самом деле поэзия! Обычно эти кристаллы имеют неправильную форму, поэтому явление гало наблюдается относительно редко. Но когда они приобретают форму шестигранных призм, то лучи солнечного света определённым образом преломляются в них и создают то, что мы с тобой сейчас наблюдаем на небе. То есть солнце... как бы тебе это объяснить?.. Ну, оно как бы отражается в этих кристалликах льда, как в зеркале. Понимаешь? – спросил директор с надеждой, словно боялся, что Колька ничего не понял.

– Угу. А какое же солнце из них настоящее?

– В центре. То, что похоже на ромбовидный крест, – Василий Петрович обрадовался любознательности Кольки. – Данное гало называется малым, и возникает вследствие двукратного преломления луча света в кристаллической призме под углом в шестьдесят градусов. Но если этот угол будет составлять девяносто градусов, то можно наблюдать до девяти ложных солнц! Такое же явление можно наблюдать с участием луны.

– Девять солнц! – ахнул Колька.

– Да-да! Правда, это бывает редко. А радуга – довольно частое явление, и она возникает в результате преломления и отражения световых лучей в каплях дождя, и наблюдать её можно только в стороне, противоположной солнцу.

– А когда солнце спрячется за горизонт, то куда остальные денутся?

– Проведи наблюдение и узнаешь, – хитро улыбаясь, сказал директор.

– А почему зимой солнце здесь садится, а летом – совсем в другой стороне?

– Bravo, Цветиков, bravo! Я очень рад твоей наблюдательности. А ты знаешь, что как раз сейчас солнечный день начинает расти? И закат всё больше будет сдвигаться на запад, а восход – на восток. Таким образом, солнце будет с каждым днём проходить всё больший путь. Именно поэтому ещё в древности люди решили отмечать наступление нового года в конце декабря, хотя наблюдалось это не во всех культурах.

Колька, слушая увлекательный рассказ Василия Петровича, не заметил, как они дошли до железнодорожной станции, хотя ему надо было совсем в другую сторону.

– Ну, до свидания, Николай: сейчас моя электричка должна подойти. А с нового года обязательно запишись в школьный кружок «Занимательной физики».

– А это бесплатно?

– Ха! Пока бесплатно. Ну, желаю удачи, – директор стал подниматься на перрон.

– До свидания.

Колька двинулся в сторону своего дома. Он радовался прекрасной погоде и тому, что скоро наступят зимние каникулы. Он будет кататься с ледяной горки, а солнце будет проходить всё больший и больший путь над его белобрысой головой. Он посмотрел в сторону трёх солнц, по-детски взвизгнул от счастья и запел во весь голос:

– И согрета лучами звезды по имени Солнце...

Колька до того засмотрелся на свои солнца, которые были слева от него, что не заметил, как налетел со всего ходу на первую красавицу их класса Янку, идущую навстречу по той же тропинке.

– Цветиков-Букетиков, ты чего орёшь? Ты мне чуть колготки не порвал! – Янка, не смотря на мороз, была в тонких капроновых колготках, низеньких ботиночках и коротенькой юбочке.

Увидев такое великолепие, Колька ещё больше обрадовался и ещё громче запел:

Белый снег, серый лёд на растрескавшейся земле.
Одеялом лоскутным на ней город в дорожной петле...

– Да перестань ты голосить! – капризно воскликнула Янка.

– Янка, а ты ничего не замечаешь? – спросил он, кружа около неё.

– Нет, – испуганно оглядев себя со всех сторон, ответила она.

– Да вот же, погляди туда! – Колька не мог понять, как она не замечает три огромные, ярко сияющие солнца.

– Тебе надо, ты и гляди, – опутив длинные ресницы, Янка прошла мимо Кольки своей дорогой.

– Яна, ну правда, посмотри какая красота! – побежал он следом за ней.

– Без тебя знаю.

– Да нет же...

– Что нет? – она резко повернулась и грозно посмотрела на него с высоты каблучков и роста акселератки.

– Там... три солнца, – растерянно пролепетал он.

– Слушай, Семицветиков, твои детсадовские ухаживания достали уже! Если хочешь со мной встречаться, так прямо и скажи, а то наплёл тут непонятно что.

Её лицо как-то странно раздвоилось, выражая одновременно две эмоции: в изгибе губ проглядывало презрение, глаза и брови изображали удивление.

– Да не хочу я с тобой встречаться! – испугался не на шутку Колька.

– Что-о-о?! Дур-р-рак! – Янка пошла прочь, неуклюже вихляя угловатыми, ещё не сформировавшимися подростковыми ногами.

– Дылда, – тихо сказал он ей вслед.

Тоже решительно повернулся и пошёл домой. Настроение несколько ухудшилось, но как только он посмотрел на три солнца, то счастливое расположение духа вновь вернулось к нему. Радость так распирала, что он непременно хотел хоть с кем-нибудь поделиться ею, поэтому пошёл в сторону рыночной площади, где всегда много народу.

Но ещё не доходя до площади, он встретил бывшего одноклассника Юрку, который с этого года перестал учиться в школе, заявив, что он и так знает всё, что ему надо по жизни. Сейчас он шагал куда-то, съёжившись от холода.

– Юрка, привет!

– А, Колян... Ты Вовку не видел?

– Нет. А ты видел когда-нибудь три солнца?

– Я много чего видел: я, когда травки покурю, у меня не то, что три солнца, а все тридцать три. Ха-ха-ха. Кстати, у тебя ничего нет покурить?

– Нет, я пока не курю.

– Плохо. Ну где же Вовка?

– Да не знаю я. Ты лучше туда посмотри, – Колька указал на солнца, которые ему стали уже как родные. – Наш директор школы сказал, что это очень редкое явление природы...

– Ой, не напоминай мне про этого Петровича! Всю осень ходил и зудел: «Юрий, Вам надо обязательно закончить хотя бы девять классов». Да в гробу я их видел! Он даже к мамаше обращался, да что с неё взять: не просыхает никогда.

– А я в следующем году буду ходить в кружок «Занимательной физики».

– Ну, и флаг тебе в руки... Да где же ходит этот урод?!

– Вон он, кажется, идёт, – Колька обрадовался, что появился ещё один человек, кому он сможет рассказать про гало.

– Явился, не запылится. Долго тебя ждать?

– Если надо, то подождёшь и дольше, – по-деловому ответил Вовка и спросил: – Ну что, принёс?

– А то! – Юрка вытащил из-за пазухи видеодиск, на обложке которого три голые девицы сидели верхом на таком же абсолютно голом мужике, и протянул его Вовке. – Гони бабки и просвещайся, ребёнок.

– Сколько?

– Двадцать баксов.

– Ну, ты и куркуль стал! Опять какое-нибудь дерьмо?

– Сам ты дерьмо! Такой фильм – закачаешься.

– Ребята, смотрите – три солнца, – неожиданно вставил Колька.

Юрка с Вовкой равнодушно посмотрели на солнца, а потом на Кольку.

– Слушай, Колян, тебе давно взрослеть пора, а ты всё на облачка любишься, – с сочувствием ему сказал Юрка и сообщил Вовке: – В кружок кройки и шитья решил записаться человек. Представляешь, до чего людей школа доводит, ха-ха-ха.

– Не кройки и шитья, а занимательной физики, – обиделся Колька.

– Какой-какой физики? – переспросил Вовка. – Занимательной? Ха-ха-ха! Дурак вот где занимательная физика, – ткнул он пальцем с грязным ногтем в голых девиц на обложке диска. – Это я понимаю – и физика, и три солнца в одном флаконе!

– Эх ты, астролябия ходячая, – Юрка больно щёлкнул Кольку по носу и пошёл с хохочущим Вовкой в сторону рынка.

Колька потёр нос и решил, что видимо не каждый готов к тому, чтобы постичь и оценить такое грандиозное явление, как гало. Когда он вышел на широкую, разъезженную машинами дорогу, то ему повстречалась женщина, которая жила в соседнем с ним подъезде. Она шла со стороны маленькой церквушки и сосредоточенно смотрела себе под ноги.

– Тётя Нюра, здравствуйте! – Колька обрадовался тому, что сейчас обратит её внимание на такое необычное явление.

– Ой! Здравствуй, касатик, здравствуй.

– Тётя Нюра, а Вы ничего не замечаете? – лукаво спросил он.

– А что, случилось чего? – насторожилась соседка.

– Вы посмотрите, какая красотища на небе! – и Колька указал на три солнца.

Тётка Нюра сфокусировала взгляд на редком явлении природы. Глаза её разъехались в разные стороны, пытаясь охватить огромную панораму увиденного. Колька ожидал, что она выразит восхищение, но углы её губ, и без того низко опущенные, задрожали и поползли ещё ниже.

– А-а-а! – слабо воскликнула она. – Ой, батюшки, нечистая сила, ой, матушки! Меч кровавый в небе – быть беде! Анчихрист явится с речами сладкими, а за пазухой глад и мор с собой принесёт. Ой, быть люту, быть пусту! Крест огненный, чур меня, чур, сгинь, сгинь, сгинь, знак сатанинский...

Соседка засемила в сторону церквушки, истово крестясь на ходу и бормоча что-то из Библии, надо полагать. Колька стоял, как вкопанный. Василий Петрович ему мимоходом поведал, как древние люди, будучи не в состоянии объяснить разные явления природы, при-

ходили в трепет от их вида и усматривали в них предзнаменования разных бед. Но это было очень давно, и Колька никак не ожидал такой бурной реакции от современной женщины. Тем более, бывшей когда-то секретарём партийной ячейки на комбинате.

Он решил больше не рассказывать о трёх солнцах кому попало, а поделиться только с самыми близкими, поэтому решил зайти к своей бабушке, которая жила как раз поблизости.

Колькина бабуля всю жизнь отработала на ферме. Как она сама говорила, до смерти устав «от этой каторги», полюбила на старости лет латиноамериканские сериалы, объясняя свою страсть тем, что хоть теперь она хочет посмотреть, как живут нормальные люди. Когда Колька пришёл к ней, она сидела в стареньком кресле и сосредоточенно смотрела на экран, временами ахая и вздыхая.

– Бабуля, здравствуй! Я сейчас такое видел!!!

– Внучек мой ненаглядный! – внука бабуля всё-таки любила больше, чем сериалы. – Есть хочешь? Какой ты худенький! Эти ироды тебя совсем не кормят, – иродами бабуля называла Колькиных родителей.

– Да нет, не хочу я есть! Бабушка, там три солнца, гало называется.

– Удивительно, как же можно не хотеть есть? Ты обедал сегодня?

– Обедал, бабуля. Ты слышишь: в небе три солнца! Очень редкое атмосферное явление.

– А где ты обедал? В школе? Да разве у вас в школе можно нормально поесть: там вместо еды – помои какие-то! Всё экономят на детях себе в карман, аспиды!

Колька понял: пока он не поест, бабуля не успокоится и не станет его слушать. Он согласился съесть суп и второе, тем более, что он действительно проголодался.

По телевизору начались новости. Колька придвинулся к экрану и стал внимательно слушать: ему казалось, что сейчас будет специальное сообщение о том, что сегодня в небе наблюдается удивительное, очень редкое явление природы гало. Но ничего подобного не произошло. Сообщения были самые обычные, к которым все давно привыкли: где-то что-то взорвалось, где-то что-то сгорело, шахиды опять совершили теракт, и строгий дядя в штатском обречённо сказал, что ничего нельзя сделать, а надо крепить бдительность среди населения. Потом пошли сообщения о светских новостях, и Колька стал ещё внимательнее слушать, ожидая, что сейчас обязательно скажут о гало. Но и здесь всё было, как обычно: популярный английский музыкант заключил брак с молодым мужчиной.

– Тьфу! – сказала бабуля.

А российская популярная певица развелась с очередным мужем – таким же популярным олигархом. Показали сцену их венчания десятилетней давности в храме Иерусалима и фрагменты трёхдневной свадьбы в Европе.

– Ах! – отреагировала бабуля и вытерла глаза платочком.

«Да что передают всякую лабуду?! – подумал Колька. – В небе такое чудо, и об этом ни слова. Не померещилось же мне? А может, действительно, померещилось? Да нет же, Василий Петрович тоже видел. Мировой он всё-таки мужик!»

Наконец-то, подошло время прогноза погоды, и очаровательная девушка в мини юбке сообщила о приходе циклона на Северо-запад России. Колька аж напрягся: Василий Петрович тоже что-то говорил о циклоне. Но дальше девушка порекомендовала зрителям какой-то крем для обуви, с которым никакая слякоть не страшна, и лекарство от простуды для людей с ослабленным иммунитетом.

– Хорошо, что ещё не посоветовала простуду лыжной мазью лечить! – привычно состригла бабушка.

– Бабуля, а ты сегодня видела гало? – Колька решил достучаться до её сознания, пока его окончательно не захватили в водоворот предстоящие политические склоки, и не начался очередной аргентинский или бразильский сериал.

– А кто это?

– Это такое явление природы: несколько солнц на небе.

– Нет, внучек, не видела. Я, вообще, на небо не смотрю: чего на него смотреть-то – небо как небо. Под ноги надо смотреть, мало ли там что лежит, под ногами-то.

– Бабуля, ну посмотри, какая красота! Может быть, его никогда не будет больше: оно редко бывает.

– Ты, когда улицу переходишь, должен не на небо смотреть, а сначала посмотреть... направо, а потом... ой, нет, наоборот всё... или нет?

– Бабушка, как же тебе не интересно? Ты только посмотри...

– Сначала надо посмотреть на... лево. Да, точно! А потом – направо. Или нет?.. Почему мать не научит тебя, куда надо смотреть, когда улицу переходишь?

– Да я не улицу переходил: я из школы вышел и посмотрел на небо, а там такие солнца!

– А на солнце вообще нельзя смотреть: глазки потом будут болеть. Ну, всё, давай сериал смотреть, уже начался.

– Да не люблю я эти сериалы, – расстроился Колька. – Я просто хотел тебе рассказать...

– Подожди, Коленка, фильм очень интересный! Здесь Режиналдо и Жозевалдо что-то затевают против Леонардо. Фернандо сделал предложение Луселии, но она любит Энрике, от которого ждёт ребёнка её кузина Хулия. А в эту самую Хулию влюблён Рикардо, который...

Колька понял бесполезность своих попыток рассказать бабуле о чуде, которое он видел, и пошёл домой.

«Я просто не умею интересно рассказывать, как Василий Петрович. Но как они сами-то ничего не видят?» – думал он.

Три солнца по-прежнему украшали собой небосвод, а мороз обжигал щёки.

– Ты где ходишь, паразит? – первое, что услышал Колька, открыв дверь в дом. – Мне надо бежать полы мыть в магазине, а он где-то гуляет.

– Ма, мама, я три солнца сейчас видел...

– Да хоть четыре! Нет, ну за что мне такое наказание: у всех дети, как дети, а у меня – сволочь, – мать дала Кольке оплеуху.

– Мама, я утром картошки сварил для тебя, – глаза его наполнились слезами.

– Одолжение мне прямо сделал! Гуляет где-то, когда все дети давно из школы пришли! Весь в гадского папашу своего.

– Я у бабушки был.

– Чего ты делал у этой старой дуры? – Колька получил ещё один подзатыльник. – Я тебе сказала, чтоб к ней не ходил! Сказала или нет?! У ба-абушки он был. Сбагрила мне своего сыночка-алкаша, а теперь сериалы смотрит, стерва.

– Я у неё поел и теперь могу не есть, – всхлипывал Колька.

– Слава те Господи, хоть одного накормила...

– Закрой пасть, курва, – в комнате на диване лежал пьяный отец.

– Конечно – курва! Сидит у бабы на шее сколько лет, а я должна на трёх работах вкалывать, кормить его. Только курва на такое и способна.

– Замуж тебя взяли, так и корми, – пьяно отозвался отец.

– На железной дороге электрики нужны, я узнавала. Пошёл бы, устроился...

– Заткнись, я тебе сказал!

– Господи, хоть бы мне сдохнуть поскорее! Это же не жизнь, а непонятно что.

– Ты своей смертью не помрёшь, сука, – ворчал отец. – Я тебе когда-нибудь помогу сдохнуть.

Колька ненавидел это. Он не знал, как быть в такой ситуации. Его как будто разрывали на части, когда самые близкие люди так собачились друг с другом. Ему хотелось куда-нибудь

спрятаться или убежать от этого. Но бежать было некуда. «Ничего: отольются когда-нибудь кошке мышкены слёзы», – думал он в такие минуты.

На мать он никогда не сердился, потому что ему было её жалко: она работала санитаркой в больнице. Сегодня она после ночного дежурства перебирала гнилые овощи в хранилище соседнего совхоза, а сейчас уйдёт мыть полы в магазине. Отец нигде долго не задерживался: отовсюду выгоняли за пьянку, хотя он всегда доказывал, что вокруг него плетут козни какие-то сионисты или сатанисты. Большую часть времени он проводил, лёжа на диване. Когда был пьян, то придирался ко всем, в трезвом состоянии был злым и неразговорчивым, поэтому Колька давно разучился общаться с ним и очень боялся, что когда-нибудь станет похож на этого угрюмого, вечно на всех обиженного, никого не любящего человека. Во всех бедах он винил баб, начальство, правительство и очень любил об этом подолгу говорить. Когда он был трезв и зол, то применял рукоприкладство к своим врагам, но поскольку начальство и правительство были ему не доступны, а ближайшая к нему баба была Колькина мать, то ей всё и доставалось. А мать после этого была Кольку, так как ей тоже надо на ком-нибудь выместить обиду. Поэтому он никогда на неё не обижался.

Только однажды он сказал, что это признак незрелой личности, так вымещать злобу не на источнике своих обид, а на более слабом существе. Родители тогда удивились и испуганно переглянулись, как будто Колька сказал что-то на языке инопланетян. Он вычитал об этом в книге по психологии, потому что не давала покоя мысль, отчего люди так ужасно себя ведут, особенно в отношении близких. Колька любил читать – это было его обычное времяпрепровождение. Он набирал книг в библиотеке, приходил домой, садился за шкаф, где у него был свой уголок, и погружался в это безмерно любимое им занятие. Больше любить было нечего: радио в доме не было, а купленный матерью подержанный телевизор пьяный отец разбил топором, когда транслировали политические дебаты.

А родители любили играть в прятки меж собой: утром мать прятала деньги и водку, и если отец их находил, то вечером уже пряталась мама. Когда она говорила о том, чтобы ей поскорее сдохнуть – а она часто об этом говорила, – Кольке становилось совсем тошно: он не представлял себе, на что будет похожа его жизнь без неё.

Мать ушла в магазин, захлопнув за собой дверь. Колька сидел на кухне и смотрел в окно, которое выходило на восточную сторону, откуда гало не было видно.

– Ой, плохо мне, ох, умираю, – кричал отец в комнате. – У-у, суки рваные! Глава семьи умирает, а им хоть бы хны. Колька, иди сюда, падла мелкая!

– Да тут я, тут, – сжался Колька.

– Поищи у этой... матери денег и купи у Клавки-самогонщицы чекушку для меня. Она, стерва, уже в долг не даёт – та ещё мразь...

– Не буду я у мамы денег красть, – твёрдо сказал Колька.

– У-у, сучонок, весь в мамашу свою! Ничего, я сейчас встану, я тебе устрою, как отца не уважать.

– Да не встанешь ты, не ерепенься, – Колька знал, что отец не встанет, потому что он всегда напивался до такого состояния, когда встать уже невозможно.

– Коля, ну не будь ты падлой, как мать! У тебя же есть деньги какие-нибудь, хоть рублей десять. Сходи к этой суке Клавке, скажи...

– Ладно, схожу.

Кольке вдруг стало жалко отца, и он сам удивился, как можно жалеть этого жестокого, оскорбляющего всех и вся заложника своего скверного характера и слабой воли. Он вышел на улицу и побрёл, сам не зная куда. Денег у него не было, но он ушёл из дому, потому что невыносимо было там оставаться.

«Куда же мне сходить, чтоб не замёрзнуть? – думал Колька, играя сам с собой в футбол куском льда. – Ах, как же я забыл: у меня есть три солнца! Тем более я должен провести наблюдение их заката».

И он помчался со всех ног на другую сторону дома, опасаясь, что солнца уже исчезли.

Но они никуда не исчезли, а незыблемо остановились над самым горизонтом, как будто ждали Кольку. Солнце, находящееся в центре, стало ярко-красным, его свет совсем не обжигал глаза, а боковые вытянулись в огненные столбы, словно кто-то нарисовал их на полотне неба масляной краской, а потом нечаянно смазал рукавом. И Колька даже знал, кто художник: это Бог.

Солнце садилось за горизонт, а Колька плакал, и слёзы на морозе обжигали ему щёки. Ему казалось, что если солнце спрячется из виду, то он останется совсем один на всём белом, точнее – тёмном свете, где даже три солнца не могут отогреть испорченные и грубые, равнодушные ко всему на свете сердца людей.

Изгнание из храма

В соседней деревне Жуковке (бывшей Марксовке) произошло престранное событие. В те годы вообще чуть ли не каждый день кто-нибудь видел то НЛО, то инопланетян, то, на худой конец, какие-то необъяснимые явления в атмосфере. Газеты такого ранга, как «Правда» и «Известия», взахлёб рассказывали о скором вступлении в контакт с пришельцами, а некоторые впечатлительные граждане заявляли, что они уже вступили в этот самый контакт. Причём настолько тесный, что одна женщина даже якобы оказалась на сносях от гражданина из другой галактики. Её неоднократно показывали по телевизору, и чадолюбивые зрители обращались на телевидение с просьбой сообщить о состоянии здоровья ребёнка. Ребёнка так и не показали, но сам факт такого прогресса никого не оставил равнодушным, разве что самых законченных скептиков. Даже в районной газете «Слово Перестройки» (носившей совсем недавно название «Слово Ильича») стали появляться рассказы очевидцев этих малоизученных случаев.

Чем был вызван повышенный интерес к нашей неказистой земной жизни со стороны внеземных цивилизаций – осталось тайной. Но важно, что он был, и люди ждали новых впечатлений от общения с соседями по Вселенной. А когда люди чего-то упрямо ждут, то обязательно дождутся: таково уж устройство мироздания.

Так что же наша Жуковка? А в Жуковке, как и всегда по субботам, была дискотека в местном Доме культуры. Был канун Пасхи, которую теперь официально разрешили отмечать, хотя многие напрочь забыли, как это делается. На стенде для афиш красовался плакат с надписью:

**ТОЛЬКО СИВОДНЯ!
ПАСХАЛЬНАЯ ДИСКОТЕКА!
1 РУБЕЛЬ ЗА ВХОД
(СКИДОК НЕТУ)
буфета тоже ни будит
ЖРАТВУ с собой НЕ приносить!!!**

В зале неспортивная молодёжь, рано полнеющая от малоподвижного образа жизни и привыкшая много пить и курить с ранней юности, рьяно пыталась изобразить сложные кульбиты из брейка. Акробатические элементы как правило заканчивались тем, что кто-то кому-то нечаянно задевал ногой по уху или брюху, но в целом всё смотрелось не так уж и безнадёжно.

Олька Капустина тоже плясала весь вечер с новым кавалером Вовкой с улицы Урицкого. Ближе к полуночи Вовка, как и положено истинному ухаждёру, поволок Ольку к туалету для решительного объяснения. Рядом с туалетом в стене находилась полукруглая ниша, непонятно для какой надобности сделанная, но местная публика облюбовала её для признаний друг другу в любви.

– Лёлька, ты такая тёлка классная, лучше всех этих кобыл: я прямо тащусь, – задышал Вовка перегаром в лицо счастливой избраннице и начал задирать её коротенькую юбочку.

Пока он возился со своей ширинкой, довольная таким лестным комплиментом Ольга от нечего делать стала разглядывать потолок ниши, который был в виде свода. Поблизости кто-то громко сопел, а в ответ раздавались ахи и охи. Рядом с туалетом блевала на пол Верка из переулка Коминтерна.

«Вот дура-то! Не умеет стакан держать, а всё со мной тягается!» – с гордостью подумала Ольга, так как из девок её действительно никто не мог перепить.

В зале начали дружно выплясывать под тяжёлый рок. Иноземный голос сначала визгливо выкрикивал короткие реплики, словно стрелял короткими пулемётными очередями, а под конец зашёлся истошным воплем, как давно некормленный младенец.

Вдруг Олька увидела нечто странное. Сначала она подумала, что это глюки, а потом вспомнила, что ничего такого нынче не курила, чтобы посещали видения. Она напрягла юное зрение, вглядываясь сквозь дым танцевального зала, и ясно увидела, что в районе потолка ниши находится огромный чувак с крыльями, который смотрит прямо на неё яростным взглядом. Он словно проступал из темноты, и Олька увидела у него в руках большой меч, который явственно горел белым, как внезапная молния, светом, и который был направлен прямо на неё! Олькин отец иногда по праздникам, когда сильно напивался, гонялся с таким же резаком, только гнутым, оставшимся от деда-кавалериста, за собутыльниками, когда тем надоедало слушать его басни, как он ходил в атаку под командованием самого Будённого. Отец родился уже после Сталина, но втемяшил себе в башку после аварии, когда въехал на мопеде в столб, что он лично участвовал в Гражданской войне против контры, а несогласных с этим фактом гонял по округе старой кривой саблей деда.

Олька пронзительно завизжала, да так, что перекричала визгливого певца.

– Чё ты орёшь, курва драная? – ошалел оглушённый Вовка. – Я даже не начинал.

Но Олька продолжала орать и с ужасом смотреть на потолок. Вовка подумал, что это от избытка страсти к нему, но потом тоже поднял голову и заорал со своей пассией в унисон.

– Ну, ни хрена себе кайф ловят! – позавидовали представшей их взору картине выходящие из туалета.

А Вовка отшвырнул Ольку и помчался из зала прочь в приспущенных штанах, показывая на ходу пальцем в потолок. Народ, разглядев на потолке что-то необъяснимое и почуяв недоброе, повалил на улицу.

– Пришельцы! – истошно орали одни.

– Там... там... Там в зал целое эНэЛО залетело! – заикались от ужаса другие.

– Да не эНэЛО, бараны, а гуманоид под потолком завис, – со знанием дела констатировали самые трезвые.

Все выбежали из Дома культуры, где продолжала рыдать музыка, и бросились в разные стороны.

– Ма-а-ма-а! – как всегда орало в таких случаях большинство.

– Царица небесная, спаси и сохрани! – причитал на ходу бывший заместитель председателя Горкома ВЛКСМ Витька Тряпкин и, как впоследствии рассказывали очевидцы, несколько раз даже наложил на себя крестное знамение с левого плеча на правое.

Кто-то из обитателей прилегающих домов, перепуганных ором и топотом, позвонил по «02» и коротко сказал в трубку: «Убивают!». Вскоре на пороге Дома культуры появился наряд милиции.

– Да выключите вы эту таратайку! – рявкнул главный по наряду в адрес тяжёлого рока. – Оглохнуть же можно.

Но диск-жокей, как тогда называли нынешних ди-джеев, слинял с боевого поста в числе первых. Бесстрашный милиционер шагнул в общество пришельцев, которые коварно затаились в стенах дискотеки. Все присели, когда затихла музыка. Служитель порядка вышел как ни в чём не бывало, походил вокруг здания Дома культуры, напевая под нос «Ксюша-Ксюша, юбочка из плюша», и вдруг присвистнул:

– Ёксель-моксель, да никак это церковь! – он подошёл к обескураженной толпе: – Вы там, видимо, очень уж рьяно прыгали, со стен краска местами и отвалилась. А под ней – фрески, что ли.

– Да, фрески, – подтвердила бабка Агафья, старейшая жительница Жуковки, которая страдала по ночам возрастной бессонницей, поэтому тоже пришла на крики, разбудившие

округу. – Этот храм в тридцатые годы закрыли. Купола сбили и обычную двускатную крышу сделали. Сначала сделали склад стеклотары, потом вытрезвитель открыли, а после войны отдали молодёжи под клуб.

– Надо же, а я и не знал! – подивился милиционер. – Нет, я где-то слышал, что раньше вытрезвитель в бывшей церкви был, но не думал, что здесь.

– Здесь, здесь, касатик, – закивала Агафья Васильевна.

– А как оно называлось-то? – спросил Витька Тряпкин.

– Не оно, а она: церковь Архистратига Михаила. Ещё мой батюшка рассказывал, как проезжал через наши края некий великий князь – сын то ли императора Павла, то ли Николая Первого – на войну то ли с Наполеоном, то ли с басурманами на Кавказ. И так ему это место понравилось, что повелел он поставить здесь церковь. И звали того князя Михаилом. В христианской традиции такое имя носит самый главный архангел, стоящий во главе небесного воинства в борьбе с силами Анчихриста.

– А Антихрист – это чёрт, что ли? – спросил вылезший из канавы диск-жокей, где всё это время держал линию обороны против пришельцев.

– Нет, – твёрдо сказала старейшая жительница. – Это тоже посланник Божий, который носит маску Христа и искушает людей понимать слово Бога в обратном смысле.

– Ё-маё, как в религии всё сложно устроено! – воскликнул Вовка, застёгивая штаны. – Куча всяких посланников да проповедников. И не запомнишь, кто из них и кому чего должен. Легче зачёт по Обществоведению в нашей путяге сдать.

Какое-то время люди потоптались на улице и неуверенно пошли в здание бывшей церкви и нынешнего Дома культуры. Там ярко горел свет, и внутреннее убранство не напоминало ни дом Бога, ни Дом культуры: на полу валялось несметное количество окурков и шелухи от семечек, фантиков и упаковки из-под разнообразной закуски, а вдоль стен стояла батарея пустых бутылок различного калибра от 0,25 до 2,5 – чекушка с четвертью. Дешёвая масляная краска на стенах местами облупилась и отвалилась. Из-под неё выглядывали страшные и страдающие глаза давно живших людей, которые остались в памяти народной святыми. Они вышли откуда-то из небытия, как из другого измерения, которое продолжает существовать где-то рядом, словно бы желая узнать, что же случилось с их далёкими потомками.

В нише напротив входа находилась фреска, изображающая, должно быть, вышеупомянутого Архистратига Михаила. Она была настолько тщательно выписана с учётом изгиба стены, что Архистратиг казался самым что ни на есть настоящим и осязаемым. Казалось, что складки его алого плаща на мощной фигуре шевелятся от лёгкого ветра, а два огромных огненных крыла за спиной с детально прописанными перьями, каждое из которых светилось неземным светом, таили в себе колоссальное динамическое напряжение. Казалось, если подойти ближе, то увидишь своё отражение в золотых латах, перетянутых синей перевязью с жемчугом. Особенно впечатлял взгляд больших и строгих глаз, от которого невозможно было укрыться в пределах танцзала, и острый огненный меч, который грозно сверкал ярко-белыми искрами и был направлен в адрес каждого присутствующего.

– Клёвый чувак! – восхитилась Олька. – Где бы найти такого мужчинку? А то всё шелупонь помятая под ногами вертится...

– Это не мужчинка, а ангел. У ангелов нет пола, – объяснила ей Агафья Васильевна.

– Как жалко! – вздохнула та.

– Не могут они ничего, дура, по *этой* части, – заржал Вовка. – Так что ко мне приходи, если что. Уж я-то так могу...

– Да заткнитесь вы, уроды озабоченные! – цыкнул на них страж порядка. – Вам бы только трахаться на каждом шагу, как собакам бездомным – больше ничего в жизни не интересуется.

– Да-а, умели раньше люди рисовать, ничего не скажешь! – невольно произнёс Тряпкин. – Ишь, как глазищами-то сверкает! Охраняет свои владения от нечистой силы.

Дальше продолжать танцы в такой компании никто не решился, и многие даже посоветовали на то, что теперь негде будет «оттянуться по полной программе».

На следующей неделе в районной газете «Слово народа», носившей совсем недавно название «Слово Перестройки», появилась маленькая заметочка, которая бодро гласила, что вот, дескать, и до нас докатились-таки паранормальные явления в лице огромного гуманоида, который залетел-таки, милай, прямо в Дом культуры деревни Жуковки, создав своим присутствием некую таинственную вибрацию, от которой осыпалась краска со стен. Статья вселяла гордость за свой край, который наконец-то взяли на заметку сами инопланетяне, и вносила заметное оживление в небогатую на события деревенскую жизнь.

Ещё через неделю в Жуковку приехала компетентная комиссия из Ленинграда, которому незадолго до этого вернули прежнее имя Санкт-Петербург, с благообразным и энергичным старичком во главе. Старичок этот был похож на жителя именно того, навсегда ушедшего Петербурга, каким он был ещё до многих переименований и катаклизмов.

Комиссия выяснила, что здание Дома культуры действительно некогда было церковью, внутри которой имелась также усыпальница, где покоился прах каких-то уважаемых граждан дореволюционного прошлого, сделавших что-то полезное для родного края. Место погребения нескольких офицеров, инженеров и учителей находилось прямо под полом церкви, с которого сразу после Революции были украдены надгробные плиты непонятно для каких нужд.

– Это получается, мы на костях плясали?! – ужаснулись некоторые.

– Ну и что? Всё ништяк! – отреагировали патологические оптимисты.

Глава же комиссии горячо благодарил растерянное руководство бывшего Дома культуры за то, что стены бывшей церкви были покрашены несколькими слоями масляной краски, под которыми, как под защитной плёнкой, великолепно сохранилась темперная роспись. И теперь есть возможность восстановить её полностью в первоизданной красе.

– Так мы чего, мы нечего, – недоумевал заведующий Дома культуры. – Мы вообще всё такой краской мажем, так что обращайтесь, если что.

– А почему именно глаза первыми из-под слоя краски показались? – полюбопытствовал кто-то у благообразного старичка, который мог самозабвенно часами рассказывать о фресках и истории храмового строительства.

– О, это уникально! – начал он. – Дело в том, что в темперной иконописи используют метод многослойного наложения белил под глаза, в результате которого образуется своеобразная подушка. Место глаза становится более выпуклым относительно остальной площади росписи...

– Я бы им другие места сделал выпуклыми, хе-хе-хе, – острил диск-жокей.

– ...поэтому эта подушка из белил, – самозабвенно продолжал старичок из Петербурга, – как бы сбросила с себя слой масляной краски при определённой интенсивности сотрясения стен во время танцев.

– А чего у них вокруг башки какие-то круги светятся?

– Это нимбы. Данное сияние вокруг головы является символом божественности.

– Ну да! – воскликнул Вовка с Благовещенской улицы, совсем недавно носившей имя Моисея Соломоновича Урицкого, теперь объявленного душегубом и врагом России. – Когда наш электрик пьяным делом в трансформаторную будку полез, его так током ё...уло, что с башки тоже искры сыпались. И даже дым из ушей валит!

– Ха-ха-ха! – развеселились все, а старичок пытался увлечь собеседников темой иконописи:

– В европейской живописи данная традиция претерпела изменения, где нимбы превратились в диски, жёстко закреплённые к макушкам, и поворачивающиеся при движениях головы. Вы можете увидеть вырождение иконографических канонов в работах Джотто и Пьеро делла Франческа. Тем и ценна иконопись, что этот древний вид живописи в своём первоизданном виде сохранился только в России. Вы понимаете: данную церковь важно если не восстановить, то хотя бы сохранить эти уникальные фрески для потомков! Это же один из красивейших стилей иконописи – Строгановская школа с элементами новгородских прописей! Фигуры людей и части тела в данной живописи имеют сильно удлинённые, против натуры, пропорции.

– Гы-гы-гы, – заржали парни, подумав о своём насущном при слове «натура».

– Вы заметили? – обрадовался старичок. – Такая манера письма создаёт довлеющий эффект на зрителя, когда изображение как бы смотрит на него с высоты, независимо от того, из какой точки он наблюдает его. Очень красивый стиль, и очень важно сохранить каждый его образец! Здесь можно, например, организовать краеведческий музей. Это же бесконечно интересно изучать историю своего края, которая таит в себе столько тайн!..

– Да уж, прямо уделаться можно от такого интереса, – зевнул Вовка.

– Где же мы теперь танцевать-то будем? – грустно спросила Ольга Капустина.

– А мы теперь сюда на богомолье будем ходить, – заржал Вовка. – Ты, Ольга, будешь священнику в своих грехах исповедоваться: сколько раз согрешила, с кем и в какой позе, гы-гы-гы.

Все засмеялись, а старичок достал из сумки большой альбом, в котором было много портретов каких-то людей. Они выглядели вроде бы, как и все, но в то же время было в них что-то особенное. Спокойные и уверенные, они благородно взирали со страниц альбома на жителей России конца XX века. Текст был на английском языке.

– К сожалению, в России пока нет таких изданий о Доме Романовых на русском языке. Данную книгу нашему институту подарила одна Лондонская библиотека.

– Надо же, теперь про всякую контру недобитую ещё и книжки выпускать начнут, только этого нам не хватало! – вздохнул сильно опухший и давно небритый Капустин-отец.

– А это что за кобыла? – спросил Вовка, ковыряя в носу и указывая свободной рукой на портрет грациозной женщины с волосами, уложенными на макушке в форме банта.

– О, это великая княгиня Елена Павловна, принцесса Вюртембергская, создательница Русского музыкального общества и Крестовоздвиженской общины сестёр милосердия, являющейся предшественницей общества Красного Креста. Жена великого князя Михаила Павловича, четвёртого сына императора Павла и его второй жены Марии Фёдоровны. Есть версия, что именно Михаил Павлович повелел поставить эту замечательную церковь.

– Все на народные деньги строили да основывали. На наши деньги! – опять мрачно пробурчал отец Ольки. – А нам теперь... кушать не на что.

– Ага, и бухать, – пискнула Ольга и увернулась от тяжёлой отцовской лапищи.

– Нет, что Вы! – воскликнул старичок. – Все свои таланты и знания Елена Павловна принесла на пользу обществу, да и великий князь Михаил Павлович не был праздным человеком в отличие от нынешних нуворишей. Он руководил артиллерийским ведомством и был главнокомандующим гвардейским и гренадёрским корпусами, способствовал проведению целого ряда улучшений в армии. Участвовал в военных действиях против Наполеона и в русско-турецкой войне. Но я всё-таки больше склоняюсь к версии, что данную церковь мог основать великий князь Михаил Николаевич, младший сын императора Николая Первого.

– А это ещё что за хрен с горы?

– О, Михаил Николаевич был наместником Кавказа и командующим войсками Кавказского военного округа. Во время войны в семьдесят восьмом году прошлого века был главнокомандующим Кавказской армией. Был также председателем Государственного Совета, где

выражал интересы консервативных кругов дворянства. Вот посмотрите, – старичок развернул перед жителями Жуковки разветвлённую схему родословного древа Дома Романовых. – Михаил Николаевич был женат на Ольге Фёдоровне, принцессе Баденской. Их старший сын Николай был известным историком, председателем Русского исторического общества. Его вместе с младшим братом великим князем Георгием Михайловичем расстреляли в Петрограде в январе девятнадцатого года в дни Красного террора...

– Туда контре и дорога, – проворчал Олькин отец.

– Батя, заткнись ты, – просто сказала ему Олька.

– Вся в мамашу свою, лахудру облезлую! – обиженно пробухтел отец, но соблаговолил заткнуться.

– ...пятый его сын Сергей Михайлович, который внёс большой вклад в развитие русской артиллерии, – старичок продолжал метать бисер, – был казнён в Алапаевске вместе с князьями Константиновичами, князем Палей, княгиней Еленой Петровной и великой княгиней Елизаветой Фёдоровной. Эта казнь потрясла весь мир, когда людей живыми сбросили в шахту старого рудника, а затем, чтобы скрыть следы этого преступления, на них сверху бросали брёвна, гранаты и горящую серу.

– А зачем? – спросила Верка из Церковного переулка, бывшего переулка Коминтерна, которую до слёз поразил прозвучавший рассказ.

– А старичё ещё врёт, что они лучше нас были, что в их время отморозков не было! – гоготнул Витька Тряпкин. – Оказывается, были, да ещё почище нынешних.

– Такое было время, – печально ответил чудесный старичок. – Во время любой революции всегда происходит много страшного и безумного. Но это ещё не всё. Четвёртый сын Михаила Николаевича великий князь Александр Михайлович был не только контр-адмиралом, но также стоял у истоков организации военной авиации в России. Благодаря его инициативе и усилиям страна вступила в Первую мировую войну, имея на вооружении двести тридцать боевых машин. Он сумел уйти от террора и обосновался во Франции.

– Ушёл?! – встрепенулся Капустин-отец. – Ну-ну...

– Александр Михайлович оставил очень интересные воспоминания о своей жизни. Имел от брака с великой княжной Ксенией Александровной шестерых сыновей и одну дочь, которая, кстати, была женой знаменитого Феликса Юсупова, богатейшего человека в России.

– Ничего себе, сколько бабы раньше рожали! – всплеснула руками мать Вовки. – С ума сойти можно, семеро детей! Тут одного-то родишь, а потом не знаешь, куда от него, ирода, спрятаться. Да ещё муж ничем не лучше беспомощного младенца.

– Не в том дело, сколько в семьях было детей, а в том, какими людьми они стали, какого высокого уровня развития они достигли и какую пользу принесли стране, – восторженно продолжал свой рассказ благообразный старичок.

– Да уж, – согласился милиционер. – Не сравнить с нашими нынешними трибунными пустобрёхами.

– А это что за краля? Ишь гладкая какая! – ткнул пальцем Вовка в портрет сестры последней русской императрицы.

– Это и есть Елизавета Фёдоровна, жена пятого сына Александра Второго великого князя Сергея Александровича, убитого эсером Каляевым взрывом бомбы возле Никольских ворот Кремля.

– А зачем? – опять задала свой сложно-простой вопрос Верка.

– Да как сказать? – пожал плечами старичок. – Сам Каляев так и не смог объяснить, зачем он это сделал. Я же хочу рассказать вам о Елизавете Фёдоровне, каким удивительным человеком она была.

– Ничего бабёнка, – одобрил Витька Тряпкин.

– Это баба-то была человеком?! – присвистнул Вовка. – Ну, уж это ты, дед, загнул! Из бабы человек, как из меня табурет.

– После смерти мужа она оставила всё своё состояние государственной казне, наследникам мужа и на благотворительность. Приобрела в Москве усадьбу и превратила её в больницу, где работали лучшие специалисты того времени. Сама Елизавета Фёдоровна ухаживала за больными и ассистировала при операциях.

– За мной, когда я в больнице после отравления спиртом лежал, тоже такая коза ухаживала! Ой, чё было... – поделился воспоминаниями диск-жокей.

– Это что за довески? – Вовка указал на фото, где были запечатлены четыре ангелоподобные девочки в белых платьицах, сидящие на диванчике.

– О, это дочери императора Николая Второго, – благоговейно произнёс старичок. – Данная фотография сделана в тысяча девятьсот пятом году. Старшей дочери императора Ольге здесь десять лет – она в центре. А рядом – великая княжна Анастасия Николаевна, которой здесь всего четыре годика.

– Какие хорошенькие! – всплеснула руками Оля Капустина.

Никто больше ничего не говорил, а все молча всматривались в эти искренние в своей незащитной жизнерадостности и бесконечной мудрости детские лица, которые были похожи на лица всех детей Земли независимо от эпохи и политического строя, как вечная константа в неустойчивом человеческом сообществе.

На соседней странице была фотография женщины, которая держала на руках озорного мальчика лет трёх в матросском костюмчике и бескозырке с названием корабля «Штандартъ». У женщины было очень необычное для такой весёлой ситуации выражение лица – тревожно-обречённое. Такие лица бывают у богородиц на иконах старой традиции, показывающие тревогу Матери за своего Сына от предчувствия его страшной судьбы, так как страдания ребёнка всегда доставляют невыразимые муки и Матери. Так уж устроена Её Природа, нравится это кому-то или нет.

Вовка хотел было по привычке ляпнуть что-нибудь смачно-скабрёзное в адрес этой неулыбчивой бабы с ребячёнком, но почему-то передумал.

Когда комиссия уехала, все разошлись по своим делам. Церковь решили восстановить, и старичок из комиссии стал хлопотать о выделении денег для этого. Но как раз в это время к власти в стране пришли клинические коммерсанты с табулятором вместо мозгов, способные сделать коммерцию на чём и ком угодно, даже на самых близких людях, не говоря уже о дальних. Эти самые коммерсанты начали активно отрешиваться от народа, как от чего-то чуждого и незнакомого им, и быстренько нашли государственной казне более интересное и увлекательное для себя применение, выдав это за Новый и самый верный путь развития их Новой России.

Удивительный старик больше не приезжал. Как стало известно, он вскоре умер, но перед смертью прислал ту самую удивительную книгу о Доме Романовых в дар будущему краеведческому музею. Книгу отдали на хранение в районную библиотеку, а бывший Дом культуры, где фрески уникальной Строгановской школы с элементами новгородского письма от сырости стали покрываться плесенью, закрыли на неопределённое время. Молодёжь теперь ездила на дискотеку в соседнюю деревню, где по этой причине теперь случались частые драки и даже случаи поножовщины, так как пришлых нигде не любят.

В районной газете «Слово Божье» (носившей совсем недавно название «Слово народа») появилась маленькая такая заметочка с помпезным заголовком «Православие вернулось в наши сердца!». Заметочка бодро гласила (можно даже сказать: голосила), что и до нас докатилась-таки после семидесятилетнего мракобесия истинная вера предков, которая теперь решит все проблемы сложной жизни одним махом. Статья вселяла гордость за свой край и вносила заметное оживление в небогатую на события деревенскую жизнь.

Три желания

Зоя Андреевна принесла домой аквариум из класса биологии на время летних каникул. Она всегда так делала. В этом учебном году от обитателей сего сосуда никто не уцелел. Во-первых, минувшей зимой в школе полопались трубы центрального отопления, и температура воздуха в кабинете биологии быстренько сравнялась с уличной, что не смогли пережить некоторые особи, вроде *Coryporoma giisei*⁵ и *Tanichthys albonubes*⁶. Во-вторых, аквариум несколько раз роняли дети во время перемен, за что Зоя Андреевна ругала их вандалами и даже рыдала над погибшими *Rasboris urophthalmis*⁷. Но на равнодушных и жестоких детей это мало подействовало.

Теперь пустой и вымытый аквариум стоял в тесной, заваленной книгами и тетрадками комнатке. Зоя Андреевна решила, что аквариум не должен пустовать, усмотрев в этом схожесть с бабой при пустых вёдрах, а это уже примета. В первый же выходной она съездила в зоомагазин и купила одну – на большее количество не хватило денег – небольшую рыбку. Но рыбка была не простая, а... Правильно, была она Золотая: именно так, с прописной буквы, было её совершенно официальное название.

«Ничего, – думала Зоя Андреевна, – к концу лета прикуплю ещё кого-нибудь. Отпускные-то до сентября выдадут... наверно».

Она запустила в аквариум новую обитательницу, и та живёхонько начала обследовать своё жилище.

– Хоть одна живая душа в доме, – сказала самой себе Зоя Андреевна.

Она выпила чаю с печеньем и решила почитать последний номер «Учительской газеты», но поездка в зоомагазин несколько её измотала, поэтому она и не заметила, как уснула. Проснулась от странного булькающего звука. «Неужели я чайник забыла выключить?» – ужаснулась Зоя Андреевна в первый момент, но к бульканью присоединился ещё один необычный звук, как будто кто-то стучал в стекло, но очень мягко.

– Зо-о-я-а-а! А Зоя! Да не туда ты смотришь! – раздался голос несколько назидательного тона.

– А? Кто здесь? Куда мне смотреть-то? – крутила головой Зоя Андреевна, ожидая увидеть кого-то на потолке.

Но говорящий был не на потолке, а пониже. Как Вы, может быть, уже догадались, это была Золотая рыбка.

Удивилась Зоя Андреевна, испугалась:

– Я преподаю биологию десять лет и три года, но не слыхивала, чтоб рыба говорила!

– Зоя, ну что ты, ей-богу, как Пушкин, стихами пошла рубить, – постаралась успокоить её Золотая рыбка.

– Я что, сплю? – спросила Зоя Андреевна, не зная кого. – Вроде бы, с ума сходить ещё рановато. Хотя в современной школе и немудрено.

– Да не спишь ты! Сколько можно спать? – начала раздражаться рыбка, встретив такое неверие. – Эх ты, деревня.

Зоя Андреевна уткнулась носом в аквариум, потом приложила к нему ухо. Несомненно, голос шёл отсюда. Рыбка смотрела на Зою очень осмысленным взглядом, а на голове у неё откуда-то появилась маленькая и изящная золотая корона.

– Но ведь этого не может быть! – уверяя саму себя, воскликнула Зоя Андреевна.

⁵ Латинское название аквариумной рыбки Дракон.

⁶ Латинское название аквариумной рыбки Кардинал.

⁷ Аквариумная рыбка, которая особенно красива в стае.

– Эх, Зоя свет-Андревна, ещё и не такое может быть, – сказала Золотая рыбка, специально приблизившись к самому стеклу, чтобы её новая хозяйка воочию убедилась, что говорит это именно она: – «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

– Ах! – вскочила Зоя Андреевна и невольно снова села, так как у неё подогнулись ноги.

– Вот и правильно: лучше сидя меня послушай, – взмахнула плавниками Золотая рыбка.

– Но ты же рыба.

– Стопроцентно.

– Золотая?

– Как бог свят, золотая! Вообще-то я – вуалехвост японский или Я-тан-ю, одна из форм *Carassius auratus*⁸, то бишь Золотой рыбки, которая, в свою очередь, является подвидом Карася серебряного. Уф-ф, кажется, ничего не забыла, – перевела дух рыбка. – Но ты называй меня Я-тан-ю: мне так больше нравится.

– Как же ты сюда попала?

– Ты же сама меня и купила.

– Но я не думала, что мне достанется говорящая рыба.

– В том-то и дело, что такие рыбы достаются не абы кому, а только избранным.

– Что же во мне избранного? Я простая школьная учительница, – недоумевала Зоя Андреевна.

– Не знаю. Но раз я тебе досталась, то в мои обязанности входит выполнить три твоих желания. Только сначала у меня просьба: не относись ко мне как к школьнице.

– Но как же? Ведь аквариум-то – казённый.

– Но меня-то ты купила на свои деньги!

– Я просто думала, что это лучше для детей, чтобы они гармонично развивались, наблюдая за живой природой...

– А сами они мёртвая природа, что ли? Бедным рыбам-то каково от такого «гармоничного развития»? То чернил в аквариум нальют, то кислоту, украденную в кабинете химии, то пива, то пепел от сигарет стряхивают. И смотрят любопытными глазёнками садистов, что из этого выйдет, экспериментаторы, мать их. А то выловят и жабры оторвут, чтобы разглядеть повнимательнее, как там всё устроено. И сколько же нашего брата полегло смертью храбрых в кабинетах биологии! Но гармоничнее люди всё одно не стали. Так что не права ты, Зоя: только духовно зрелая личность может общаться с живой природой, а уж тем более с рыбами.

Зоя Андреевна ужаснулась рассказу Я-тан-ю.

– Хорошо. Я скажу завхозу, что аквариум треснул и не подлежит дальнейшей эксплуатации, а на новый у школы денег нет.

– Вот и умница! А за это я исполню три твоих самых заветных желания.

– Подожди, какие три желания?

– Раз ты – живой человек, то у тебя обязательно должны быть желания, и даже больше трёх. Меня так инструктировали.

– Кто инструктировал? Где?

– Неважно где. Скажем так: в центре управления полётами.

– Какими полётами? Ведь ты же рыба, – нервно захохотала Зоя Андреевна.

– Зоя, соберись! У нас очень серьёзная работа. Ты пойми, что меня не пошлют к кому угодно лишь бы для галочки, – серьёзным тоном сказала Я-тан-ю. – В мои профессиональные обязанности входит исполнение твоих желаний в количестве трёх штук.

⁸ Карась золотой (лат.)

– Но у меня нет никаких желаний, – совершенно искренне сообщила Зоя Андреевна. – У меня всё есть.

– Ну вот тебе и на! Приплыли, – подбоченилась Золотая рыбка. – Всё у неё есть... А что именно есть? Что у тебя быть-то может?

– Эта комната в коммуналке, например. В наши дни очень даже неплохо, – начала перечислять Зоя Андреевна свои богатства. – Работа есть...

– Ага, любимая.

– Не знаю. Как-то не задумывалась. Но надо же где-то работать!

– Дожили, докатились! – вдруг резко перебила её Золотая рыбка. – В век кибернетики и атомной энергии люди окончательно разучились мечтать. Кругом суровая проза жизни. Где наивный хрупкий мир грёз, хочу я вас спросить, люди двадцать первого века?

– Ну... не знаю, – растерялась Зоя Андреевна.

– А кто знает? Пушкин, что ли? – взвилась рыбка.

Зоя задумалась. Действительно, если бы сейчас приставили пистолет к затылку и потребовали назвать три заветных желания, она не знала бы, что и ответить. Она попыталась вспомнить, когда в последний раз мечтала, и о чём. В юности мечталось, что она непременно встретит доброго, надёжного, ответственного мужчину, который станет хорошим мужем, и у них будут замечательные дети, уютный дом, прекрасная и интересная работа, ну и всё в таком духе. Но ничего этого не произошло, потому что сейчас семью принято считать пережитком и предрассудком, и умным человеком называют того, кто сумел избежать серьёзных отношений с противоположным полом, а в моду всё больше входит лёгкий, ни к чему не обязывающий флирт. Да и современные дети таковы, что многих радует не их наличие, а отсутствие. Когда слушаешь рассказы мамаш о своих чадах, то они больше напоминают исповеди пострадавших от терроризма. Работа не приносит радости, а заработок и того пуще расстраивает. Поэтому со временем Зоя Андреевна как-то перестала мечтать, и жизнь её протекала однообразно, и один день был похож на предыдущие. Но она этого не замечала, потому что так живут почти все.

«Как же я дошла до жизни такой? – сдержанно ужаснулась про себя Зоя Андреевна. – Чего бы в самом деле такого пожелать? Даже не думала, что так трудно назвать три заветных желания!»

– Типичный случай, – констатировала Я-тан-ю, – очень распространённый среди россиянок. Ну, ладно, попробую тебе помочь. Где-то тут у меня был списочек... Ах, вот он! Итак, зачитываю, что можно желать, – рыбка выудила откуда-то длинную грамоту и, как глашатай на площади, стала зачитывать:

– Желаете ли Вы выиграть крупную сумму денег? Ась? – спросила рыбка, сдвинув корону на затылок.

– Не знаю даже. Говорят, что не в деньгах счастье, – как-то неуверенно отозвалась Зоя Андреевна.

– То есть счастье, по-вашему, состоит в отсутствии оных? – выглянула из-за списка Я-тан-ю.

Зоя Андреевна ничего не ответила рыбке, только лишь плечами пожала.

– Ладно, поехали дальше, – не сдавалась рыбка. – Ты, главное, не впадай в отчаяние: список длинный, авось что-нибудь и наскребём для тебя.

Я-тан-ю с неподдельным артистизмом долго ли, коротко ль читала список, но он всё-таки закончился. Зоя Андреевна ещё больше растерялась. Сначала она было почувствовала какой-то азарт в душе, но потом наступили привычные отупение и усталость от избытка человеческих желаний. И ещё стало очень грустно оттого, что прошла уже почти половина жизни. И, как показалось сейчас, прошла мимо неё.

– Да зачем мне всё это? – молвила она. – Если бы я была помоложе – другое дело, а так... Зачем мне, к примеру, быть самой соблазнительной женщиной? Кого соблазнять-то?

– Уф, ну ты даёшь, подруга! Из всего списка так ничего и не выбрала. Это уже клинический случай какой-то, и ещё неизвестно, поддаётся ли он лечению. Ну, а достойную оплату своего труда почему ты не хочешь?

– Очень хочу, но кто мне её даст?

– Да не твоя забота! Твоя задача – загадать три желания, только три, понимаешь? – рыбка сложила правый плавник в виде трёх выпрямленных пальцев. – А моя задача – эти твои желания ВЫ-ПОЛ-НИТЬ! Как я это буду делать, заказчика не должно беспокоить. Что вы как неживые какие-то, просто ходячие покойники! Живой организм отличается от неживого активным потреблением питания из внешней среды. Ты, как учитель биологии, должна это знать. Только мёртвым ничего не нужно, но ты-то – живой человек!

– Я спать хочу, – вдруг устало сказала Зоя Андреевна.

– Я те покажу спать! Я сейчас такую бурю устрою в отдельно взятом аквариуме! – не на шутку рассердилась Я-тан-ю. – Живёт чёрт-те как, да ещё спать хочет.

– Ну, а как же старуха из сказки, которая много хотела, а осталась у разбитого корыта? – задала Зоя, как ей показалось, каверзный вопрос.

– Это был перебор чистой воды. Надо было загадать всего три желания, а её понесло... Вообще-то, эта старуха мне больше всех понравилась. Огонь, а не баба! Какая жажда жизни, какой накал страстей! С мужем ей, правда, не повезло. И как она с ним тридцать лет и три года прожила, не понимаю. Жили они в ветхой землянке – неужели старик хоть какое-то подобие дома не мог соорудить за столько-то лет?! Ещё ходил и плакался мне: мол, такая-сякая у меня старуха, не даёт старику мне покою. Уж хотела ему сказать, что он, пенёк трухлявый, не видел настоящей распилки. Попросила жена только корыто, чтоб его же портки полоскать, а он уже в шоковое состояние впал. До чего же непрактичные люди, эти ваши мужики: ничего не знают о том, откуда что берётся! Им и не снилось, что такое привередливая и сварливая баба с претензиями.

– Но сам Пушкин вывел образ старухи, как негативный персонаж, – возразила Зоя Андреевна. – Он хочет сказать нам посредством этой сказки, что человек, который слишком много хочет, останется ни с чем.

– Крайне вредная философия! Это просто мужской взгляд на жизнь: мол, пряди свою пряжу, баба-дура, и ничего от меня не требуй, а я буду жить, как мне удобно. Как я погляжу, сказка сия так на вас подействовала, что вы готовы всё на себя взвалить, лишь бы мужчину не беспокоить. Но если бы рядом с Адамом не было Евы, если бы она не расшевелила его скучную и ленивую природу, он до сих пор сидел бы в Раю без штанов. Вся мировая история – это история мужчин, где нет места женщинам. Вся слава им досталась: Эйнштейнам, Толстым, Линкольнам. Но двигала-то их именно Женщина! А уж мужика с места сдвинуть – это задача не из простых. Но она сдвинула эти горы неподъёмные и сделала их великими. И кто теперь вспомнит их жён несчастных. Эту безликую Софью Толстую, которая несколько раз от руки все романы своего великого мужа переписывала? Или жену Авраама Линкольна, который так и сказал, что стал президентом, потому что жена слишком «пилила»? Про жену Эйнштейна я вообще молчу. Так, скажут, были какие-то стервозы, которые не давали гениям покою.

Зою крайне удивил взгляд рыбы на миф о грехопадении.

– Ну, Я-тан-ю, ты прямо ярая феминистка!

– Да какой в вашей дыре может быть феминизм? Он у вас невозможен по определению. Феминизм – когда общество держится на мужчинах, а женщина живёт так, что ей становится скучно от праздности, и она пытается оттяпать от мужчины хоть часть его обязанностей, чтобы окончательно не сойти с ума от бесконечного счастья, а он не уступает. Таким

образом, возникает у них конфронтация, что и называется феминизмом. А в вашей деревне что? Куда не сунься – всюду одни бабы делами заправляют: на фабриках, в школах и больницах. Мужики вовсе отсутствуют как таковые или руководят в лучшем случае по принципу «больше всех в колхозе работала лошадь, но она так и не стала председателем». Это ж не феминизм, а убожество какое-то! Только у вас его определяют, как требование, чтобы мужик иногда мыл за собой посуду. Не за бабой, заметь, а *за собой*, сердешным. И все сразу разорались: батюшки-светы, феминизм-то какой, заморская зараза!.. Стыдно, образованная женщина, которая ещё и новое поколение учит, быть такой пришибленной в новом веке! – беспощадно отчитала её рыбка.

Но это было только начало. Дальше – больше:

– Я понимаю, когда американки уже в правительстве сидят, страной рулят – это махровый феминизм, стопроцентный! А когда ваша Маша с виноватым видом умоляет своего, скажем так, Васю приходить домой трезвым хотя бы раз в неделю, не пропивать всю зарплату и не буянить при заикающихся от страха детях – это уже извращение какое-то, а не феминизм. По мне, такую Машу надо изолировать от общества, как опасный источник разложения мужской породы. Блѣклый какой-то у нас феминизм, прямо скажем, квѣлый, как и вся ваша жизнь. Там бабы ругают мужчин за излишнюю активность, а вы не знаете, что ещё придумать, чтобы они научились самостоятельно хотя бы день без нянек прожить. Феминизм – это на самом деле признак высокого уровня развития общества, признак того, что люди в этом обществе очень хорошо живут. Ваш же русский феминизм похож на басню дедушки Крылова «Лисица и виноград», когда лисица ругает виноград, ищет в нём изъяны, чтобы хоть как-то себя успокоить, что он ей недоступен. Защитная реакция психики, ферштейн, биолог? Мудрая лиса успокаивает себя, что это не она плоха, а виноград. Так и бьѣтесь всю жизнь, но достаѣтся вам не то, о чём мечтается, а то, что под ногами валяется. И надо брать, потому что ничего другого не предвидится, а кому-то даже это не достаѣтся. Настоящие-то феминистки ругают мужчин, что они слишком активны и предприимчивы, а вы не знаете, как своих богатырей разбудить от вечной спячки, как убедить, что это они, а не вы – сильный пол, который способен построить разумный мир. Ведь «мужчина велик на земле и в веках, но каждая йота его величия выросла из женщины», – процитировала вдруг рыбка Уолта Уитмена, отчего у Зои Андреевны отвисла челюсть.

– Был же такой Емеля, который всё время на печи лежал, а ему щука волшебная доста-лась, которая его желания выполняла: воды натаскать, дров наколоть!

– Щука из отряда лососеобразных: мяса много, ума мало. Нет того изящества в работе, что у нас, у золотых. И что за желания такие: воды натаскать да дров нарубить? Амѣба более интересное придумала бы, а тут – homo sapiens. Нет, разучились люди мечтать! Ведь и шукто всех переели: она не успеет рот открыть, чтоб разъяснить рыбаку его права, как он её уже сожрал. У мужиков вообще все желания вокруг жратвы или ещё какой ерунды крутятся. Я до тебя попала к одному перцу. Спрашиваю, чего, мол, хочешь честной молодец. Он пыхтел-кряхтел, тужился-пыжился и, в конце концов, угрюмо выдал: «Карбюратор хочу от старой «Волги»! Нигде найти не могу». Такое раз в жизни бывает, чтобы золотая рыбка желания исполняла! Давай, говорю, сварганим тебе новый автомобиль почти без пробега. А он ещё пуще прежнего кипятится: карбюратор мне, кричит, карбюратор, да ни какой-нибудь, а на ГАЗ двадцать четыре! И это ещё не самый тяжѣлый случай: некоторые просят только выпить да закусить, а есть такие, кому и закусывать не надо. О чём только не просят! Чтобы в карты всегда везло, чтобы цены на водку понизили, чтоб соседка одолжила три рубля до полочки, чтоб жена заначку не нашла... Э-хе-хе! Один загадал желание: «Хочу такую тачку, чтобы все тѣлки за мной бегали», а теперь недоволен чего-то! Я ему такую славную тачку справила: из нержавеющей стали, с амортизацией, с удобной ручкой! Одно слово: мѣйд ин Германи! Не Хина какая-нибудь. Мечта садовода-огородника! Думаю, неужели хоть кто-то для серьёз-

ного дела что-то у меня попросил, а он теперь с этой тачкой по своей деревне бегают и недоумевают, почему за его тачкой все молодые бурёнки гоняются. Главное желание всей своей жизни надо максимально точно сформулировать, отшлифовать, как алмаз, а они буркнут что-нибудь невнятное, потому и жизнь такая невнятная получается. Недавно попалась такому же экземпляру. Говорит: «Бабу хочу! Только не навсегда, а на ночь-две». Я уточняю, какую именно, а он лоб наморщил, подумал мучительно и говорит: «Четвёртого размера». Я спрашиваю, какое, мол, второе твоё желание, а он опять подумал крепко и говорит: «Ещё бабу, только теперь пятого размера». Так все желания и потратил с размерами-то. И это называется Человек – венец природы! Да мне дождевые черви с рыболовных крючков более интересные желания загадывают! Короче, и сами мужики измельчали, и их желания вместе с ними. А всё потому, что нет рядом такой старухи, как в сказке Пушкина, поэтому и разучились люди мечтать: нет в современном человеке полёта мысли и фантазии. А мне-то как скучно стало работать с такой деградацией... Нет, брошу я это дело, раз людям ничего не надо. С тобой оформим договор, и уйду на пенсию: давно пора.

– Какой договор?

– Что я выполнила твои желания, подпись там, дата, печать с плавником. Мне же надо отчитаться о проделанной работе, – Я-тан-ю достала чистый бланк. – Ну, надумала желания?

– Ой, я даже не знаю, что и сказать.

– Зоя, ну сделай над собой усилие! Это же так просто – всего три желания. Я понимаю, что сто желаний трудно придумать, но тут-то – всего ничего! Три! Раз, два, три – и всё. Давай начнём с самого главного – с личной жизни. Как ты смотришь на то, чтобы тебе выйти замуж за красивого, работающего, доброго, надёжного...

– Ой, ну куда мне столько достоинств? Такого мужа у меня враз уведут.

– Не волнуйся – не уведут: фирма гарантирует.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.